

МСТИСЛАВА ЧЁРНАЯ

Хозяйка

графских
развалин

Мстислава Чёрная

Хозяйка графских развалин

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72634036

Аннотация

Граф Гарет Оттонский молод, разорён и сослан императором в родовые земли. Чтобы оплатить лечение своей младшей сестры, граф готов жениться даже на купеческой дочке, но на его глазах корабль с приданым разбивается о скалы, набитые золотом сундуки гибнут. И пока граф всё глубже погружается в отчаяние, странная новобрачная, не кто иная, как переродившаяся иномирянка, берёт дело в свои руки.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	51
Глава 7	61
Глава 8	71
Глава 9	81
Глава 10	90
Глава 11	99
Глава 12	108
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Мстислава Чёрная

Хозяйка графских развалин

Глава 1

Раздаётся глухой удар, словно кто-то хлопнул кулаком по стене.

– Замуж она не хочет, поглядите на неё! Ей, видите ли, север не нравится! А я сказал, что партия хорошая и свадьбе быть! – грохочет незнакомый бас.

– Может, выпороть дуру? – подключается женский голос, тоже незнакомый.

– Нельзя. Свадьба же... Поступим проще. Я напишу письмо, а ты собирай её, чтобы к полудню была готова. Отправим в дом жениха прямо сейчас, пусть сам разбирается.

На голову обрушивается ледяной водопад, и глаза сами собой распахиваются. Горло сдавливает спазм, вместо визга – хрип. Я смаргиваю повисшие на ресницах капли и недоумённо озираюсь.

Где я?

Ощущения дико странные. Кажется, что неведомая сила перебрала в теле каждую косточку, выдернула, ощупала и вернула на место. Я понимаю, что я лежу на чём-то жёстком и прохладном. Каменный пол? Голова гудит, на языке рас-

цветает привкус горечи.

Я вижу перед собой очень большого мужчину. Назвать его толстым язык не поворачивается. В его великанской фигуре нет ни рыхлости, ни дряблости. Мужчине идеально подходит сравнение с медведем, такой же косматый, и силища видна с первого взгляда. Одет необычно – бурый сюртук, широкий кожаный пояс, сапоги...

Из-за плечам мужчины высовывается рыжуха неопределённого возраста, тоже крупная и одета не менее своеобразно – в тёмно-синее платье с юбкой до пола, прикрытое отороченной мехом цветастой безрукавкой. На голове толстый расшитый бисером ободок.

Это она предлагала меня выпороть?

Ничего не понимаю... Кто все эти люди? Где я и как я здесь оказалась? А где я была до того, как сюда попала? Ответа нет ни на один вопрос, а попытка выловить из памяти хоть что-то оборачивается приступом тошноты. Может, у меня галлюцинации? Или я вижу слишком реалистичный сон?

Тяжёлая оплеуха обжигает щёку и едва не выбивает дух. Слишком реалистично для игры воображения...

Медведь уходит, а я, не считая безмолвных слуг, остаюсь с рыжухой наедине, и выражение её лица преобразается. Ненависть, которую она сдерживала при Медведе, вырывается наружу.

– Ну что, допрыгалась, Даниэлла? Я тебе обещаю, прида-

ного твой муж не получит. Хм?

Говоря откровенно, мне нет дела до проблем неведомого мужа, которого, очевидно, навязывают Даниэлле против её воли. Всё, на что меня хватает – это поднять трясущуюся руку и провести по лицу.

Я всё ещё пытаюсь сообразить, где я. К вороху вопросов добавляется новый. Почему меня упорно называют не моим именем? Я никакая не Даниэлла, я абсолютно уверена, что меня зовут иначе. Иначе... как? Вроде бы крутится что-то на периферии сознания как юркий мотылёк – сколько ни лови, не ухватишь. Я не помню ни как меня зовут, ни кто я и откуда.

Становится зябко.

Тело ощущается чужеродно. Будто я втиснулась в платье, которое мне мало.

– Если бы не свадьба, я бы поставила тебя на колени на горох, – смакует рыжуха.

– Как хорошо, что свадьба, – с трудом ворочая языком отвечаю я. Рыжуха стоит, уперев руки в бока, и явно теряет терпение.

Не думаю, что она или Медведь те люди, которым можно признаться в потере памяти, а значит разумнее согласиться на всё, что они прямо сейчас от меня хотят и попытаться разобраться самостоятельно.

Так и не дождавшись от меня внятной реакции, рыжуха приказывает служанкам:

– Поднимите её. Малка!

– Да, госпожа, – подаёт голос одна из бледных девочек. Этакая поганка с лицом, наполовину скрытыми чепцом вместо грибной шляпки. Наверное, девочка милая, просто выглядит болезненно.

Рыжуха продолжает распоряжаться:

– Приведи нашу невесту в порядок, а ты, Энти, займись платьем. Не забывайте, что господин дал нам полчаса времени.

Когда названная Малкой подаёт мне руку, я не сопротивляюсь. Ледяная вода впиталась в волосы, в одежду, и на каменном полу меня уже знобить начинает. Согреться и переодеться – отличная идея.

Служанка едва слышно выдыхает. Она боялась, что я буду сопротивляться? Или что придётся тащить меня на себе? Я не наваливаюсь, но опираюсь на её руку. Не только и даже не столько из-за слабости и дрожи в ногах – мои движения по-прежнему неуверенные – сколько из-за незнания, куда идти. Пусть служанка, сама того не понимая, ведёт и показывает.

Далеко идти не требуется – Малка увлекает меня всего лишь в соседнюю комнату, наискось перегороженную аляпистой ширмой, совершенно не сочетающейся ни с нежно-бежевыми стенами, по которым вьётся тусклый золотой узор, ни с массивной мебелью. Грубо сколоченный стол, стулья с высокими спинками, вереница пузатых сундуков... У зарешёченного окна особняком возвышается громоздкое трёх-

створчатое трюмо.

Малка выдвигает на центр комнаты круглый пуф, и жестом предлагает мне сесть. Я не отказываюсь. Хотя мне заметно лучше, колени подламываются. Ни слова не говоря, Малка принимается раздевать меня как куклу. Мокрое снять очень хочется, и я пытаюсь помочь, но от моих трепыханий вреда больше, чем пользы, и я сдаюсь, тем более служанка прекрасно справляется.

К Малке присоединяется... Энни? Элли? Энти? Не важно... Называть горничных по-имени от меня не требуется. Девушки в четыре руки полотенцем собирают с моих волос воду.

– Уж вы, госпожа, потерпите.

– Угу...

Волосы остаются мокрыми, но девушки вместо того, чтобы распустить их и дать высохнуть, если уж нет фена...

На какое-то время я просто впадаю в прострацию. Я знаю, что такое фен – это самый обычный ходовой прибор, который есть практически в каждом доме. Фен включают в розетку, но розеток нигде нет, а вместо электрической люстры над головой подвешен большой подсвечник.

– На севере ничегошеньки не будет, госпожа. Стоило ли злить батюшку? Лучше попросите у него прощения. Глядишь, смилуется и приданого не лишит.

– Тю, не видать госпоже приданого. Поздно, однако.

Энти закалывает в причёску финальную шпильку и, от-

ступив на шаг, окидывает меня оценивающим взглядом с головы до ног.

– Холодно, – жалуясь я.

Малка выхватывает из стопки сухое полотенце и принимается меня растирать. Энти лишь тихонько фыркает себе под нос и подаёт мне свежее бельё – панталоны и верхнюю деталь на широких лямках. Малка застёгивает жемчужные пуговицы, а я пытаюсь осознать очередную странность. Я не могу подобрать точное название, хотя как называется гораздо более откровенный аналог знаю. Следом идёт сорочка, напоминающая ночнушку. Одновременно на ноги мне натягивают чулки и подвязывают атласными лентами. Нижняя юбка, нижнее платье. Начинаю чувствовать себя капустой.

Наконец, мне подадут то, в чём я предстану перед женихом – небесно-голубое с белыми вставками верхнее платье.

– В цвет северных льдов, – хмыкает Энта с нескрываемым злорадством.

– Зачем...? – вздыхает Малка.

– Пфф!

Если бы мне не было всё равно, я бы возмутилась.

Длинные рукава оканчиваются петелькой для среднего пальца, и нить неприятно врежется в кожу. Юбка не просто в пол, сзади короткий шлейф, который будет волочиться за мной по земле.

Малка закалывает мне в волосы гребень и цепляет на него подобие палантина – ткань скрывает затылок, оставляет ли-

цо открытым, а вот конец Энта несколько раз оборачивает вокург шеи и сбрасывает «хвост» мне за спину.

– И не хуже какой-нибудь аристократки, – комментирует появившаяся в дверях рыжуха. Одобрение чудесным образом мешается с недовольством. – Она готова?

– Да, госпожа, – хором отвечают девушки. Нет, я не готова, но кому какое дело.

Рыжуха разворачивается, отчего подол платья чуть приподнимается, мелькают подковки на каблучках сапог.

Сапоги дома? Я снова впадаю в ступор.

– Госпожа! – торопят меня служанки. Угу.

Рыжуха уже ускакала.

Я не пытаюсь её догнать, тем более она ждёт, хоть скорчила очень недовольную рожицу. Даже забавно, хотя ничего забавного в происходящем нет. Рыжуха устремляется прочь, она целеустремлённо шагает по коридору, и мне не нужно гадать, куда идти, задача сложнее – не отстать.

Впрочем...

– Если я запутаюсь в подоле, упаду и порву платье, будет жаль, – ни к кому не обращаясь, роняю я, но достаточно громко, чтобы она услышала.

Рыжуха резко останавливается:

– Уже графиней себя возомнила? Ну-ну, – она продолжает размашисто шагать, только раза в два медленнее.

Что и требовалось.

Вслед за ней я при поддержке горничных с обеих сторон

– то ли, чтобы не упала и не испортила платье, то ли, что вероятнее, чтобы не попыталась сбежать или прыгнуть в окно – я спускаюсь на этаж ниже и оказываюсь в светлом холле.

Медведь стоит у подножия лестницы и наблюдает за нами. При взгляде на меня зверское выражение лица у него разглаживается.

Почесав подбородок, он с некоторым добродушием вздыхает:

– Хороша дочка. Даже жаль отдавать.

– Не отдавай, батюшка, – улыбаюсь я. Я правда стараюсь быть милой.

В берлоге Медведя мне не очень-то понравилось, но оказаться во власти неведомого графа идея сомнительная. Не зря же служанки пугали меня севером.

– Тьфу, пропасть! – выдыхает он.

– Переход готов? – уточняет рыжуха.

Медведь не утруждает себя ответом и сворачивает в боковую комнату.

Новое помещение оказывается пустым, без окон, освещают его самые настоящие факелы. На дальней стене узкое ростовое зеркало. Точнее, то, что я принимаю за зеркало, потому что, подёрнувшись рябью, оно перестаёт отражать интерьер и, как телевизор, показывает живое изображение – над скалистым берегом проносится чайка, и с нашей стороны даже слышен её крик.

Горничные тянут меня напрямик к зеркалу. Это... пере-

ход?

Почему я знаю про телевизор, но не знаю про магию?!
Что-то я не хочу никуда идти...

– Вот, – окликает меня Малка и протягивает саквояж. Когда только успела?

– Что это? – рыжуха немедля делает шаг навстречу и поджимает губы.

– Как что, госпожа? Сменная одежда на первое время, дамские мелочи.

– Обойдётся. Муж пусть обеспечивает.

– Дорогая... – даже Медведь морщится.

– Подумай, как невеста будет выглядеть с этим баулом в руках? Разве не важно произвести впечатление? Ты когда-нибудь видел, чтобы невеста являлась в храм с багажом?

– Ты права. Иди, дочка.

– Но...

Медведь с неожиданным проворством хватает меня под локоть, привлекает к себе, по-отцовски нежно касается губами лба и, запечатлев поцелуй, резко выталкивает в портал.

По инерции сделав шаг вперёд, чтобы удержать равновесие и не упасть, я оборачиваюсь и успеваю увидеть, как изображение полутёмной, подсвеченной огнём комнаты, исчезает, сменяется моим отражением.

Зеркало установлено под открытым небом на полуразрушенной стене. Какая прелесть.

Ну и где я теперь? Виды открываются потрясающие.

Наверное, я могла бы провести на берегу какое-то время. Подумать в тишине – то, что мне очень нужно. Но... Виды меня привлекают лишь в первое мгновение. Местами скалы припорошены снегом, кое-где поблёскивает лёд. Холод в мгновение пробирается под все слои лёгкого наряда. Особенно плохо голове, волосы-то не досушили и оставшиеся капельки превращаются в кристаллики льда.

Желание предаться размышлениям о жизни и загадках памяти выморозило. На передний план выходит очень практический вопрос – как не замёрзнуть насмерть и где мне для этого в заснеженных руинах искать моего наречённого?!

Граф, выходи!

Глава 2

Скальная терраса припорошена тонким слоем снега, отчего цвет кажется не белым, а седым. Лыдинок гораздо больше, и они играют в солнечных лучах будто драгоценности. Под обрывом пенится море. Над головой крик чайки. Разве эти птицы могут жить на севере? Наверное, это какой-то особенный вид.

Почему я смутно помню про чаек, но совершенно не помню про себя? Холодно...

У меня уже зуб на зуб не попадает, пальцы давно задревнели. Я пытаюсь обнять себя за плечи и растирать, но толку меньше, чем ноль. Самое страшное, что я уже начинаю чувствовать тепло, и это ни что иное, как обман мозга. Если я немедленно не найду, где укрыться, граф получит вмерзшую в лёд спящую красавицу, только вот никакой волшебный поцелуй меня уже не разбудит.

Сказки, оказывается, я тоже помню.

Да что он себе думает, этот граф?! Он же получил письмо. Почему не встречает? Как он собирается загрести приданое, если уморит меня раньше свадьбы?

В голове вспыхивает и гаснет совершенно неуместный сейчас вопрос – а по закону кто распоряжается приданым, муж или оно остаётся в собственности жены?

Чайка снова кричит.

– Госпожа?!

Из-за стены появляется темноволосый парень.

Я вижу тёплый подбитый мехом плащ, и моё восприятие мира сужается до одной детали одежды. Я даже не могу сказать, какого цвета глаза у моего жениха. Это ведь он собственной персоной? Не слуга? Было бы грубо не встретить невесту... Такое чувство, что замерзает не только тело, но и способность мыслить.

Парень оказывается рядом в два прыжка, перед глазами проносится тёмная тень, и на плечи ложится тяжесть плаща.

Не могу сказать, что становится теплее, я уже толком не чувствую. Но что-то меняется, это точно.

Взгляду открывается потёртый и, судя по разводам разных оттенков глубокого синего тона, не единожды реставрированный мундир. Одной пуговицы не хватает.

– Ваша обувь, – выдыхает парень с искренним негодованием и подхватывает меня на руки, прижимает к себе.

– М-м?

Его объятия такие приятные... Хотя разумнее было бы осмотреться, я утыкаюсь парню в плечо. Если не окоченею, осмотреться точно успею.

– Почему у вас в волосах лёд?! Вот-вот.

Ощущение времени пропадает. Несмотря на объятия, несмотря на меховой плащ, меня потряхивает, наваливается чернота.

Сколько длится беспамятство?

– Очнитесь, госпожа!

– Ох, лишенько... Как бы не померла.

– Не каркай.

Голоса мешают спать, раздражают, и я вынырываю из чёрного омута, чтобы сказать им замолчать, но язык не слушается. Зато сознание проясняется. Из хорошего – воспоминания при мне. Как я оказалась в заснеженных руинах, я помню, а как оказалась перед очагом в кухне – судя по плите и стоящему на ней котлу, это именно кухня – я догадываюсь. Достаточно сложить два и два, чтобы понять, что сюда меня принёс тот парень. Кстати, где он? Кажется, стоит за спиной и удерживает меня на табурете.

Исполняет роль спинки стула, ага.

Я протягиваю дрожащую руку к весёлым ржаво-рыжим язычкам пламени в очаге.

– Осторожнее, госпожа, – ко мне обращается какая-то женщина, но я не обращаю внимания, тянусь к огню.

– Х-холодно, – отстукиваю я зубами.

В поле зрения появляется высокая фигура, закутанная натурально в тряпье. Кажется, что женщина навёртела на себя с десятков разномастных шарфов и шалей. Только морщинистое лицо видно.

Это она просила меня быть осторожнее? Женщина протягивает мне глиняную кружку.

– Не обожгитесь, госпожа, пейте. Что же вы так...

– Мне казалось, господин Пегкер ясно представляет, куда

вас отправляет, – парню надоело изображать мебель и, убедившись, что я не падаю, он встаёт сбоку.

Начну заваливаться – подхватить успеет. Симпатичный...

Глаза голубые. В сочетании с тёмными волосами моя слабость.

Мягкие черты лица, на подбородке ямочка. Голос тоже мягкий, приятный. Кстати, о голосе. О ком парень спросил? Полагаю, упомянутый господин Пегкер – на середине фамилии язык завязывается узлом – это и есть Медведь? То есть мой здешний батюшка?

Отвечать как есть точно не стоит. Врать тоже.

– К-когда я спустилась, п-переход уже был готов, и б-батюшка слишком поздно увидел-л, – пальцы дрожат, и я того гляди расплескаю всё из кружки на небесно-голубой подол.

Парень подставляет ладонь и помогает удержать.

– Осторожнее, госпожа.

– С-спасибо.

Вряд ли мой рассказ достаточно убедителен, но объяснение, как мне кажется, должно уложиться в рамки приличий. Не батюшка плохой, а я сама совершила ошибку. Вряд ли наречённому понравится, если я с порога начну катить бочку на родню, верно?

– Он просто издевается над нами! – ещё один голос. Этот тоже женский, но резкий, неприятный, с визгливыми нотками и чем-то напоминает голос рыжухи.

Я оборачиваюсь. Давно она здесь?

На меня с негодованием и неприязнью смотрит голубоглазая шатенка, лицо, как и у парня, миловидное, на подбородке знакомая ямочка. Полагаю, его сестра? Младшая... Я внимательно разглядываю свою будущую золовку, и она мне заранее не нравится. Если парень обеспокоен тем, что я чуть не померла от холода, то её явно волнуют иные материи.

– Бетти, что ты имеешь в виду? Господин Пегкер учёл наше положение и согласился заменить пышное столичное торжество тихим храмовым ритуалом в наших родовых землях.

– Ох, любезный брат, вы в это верите? Серьёзно? – девушка резко переходит на высокий слог.

Зря парень ей не верит, она права.

Если бы новообретённый батюшка хоть сколько-то беспокоился за дочь, он бы, во-первых, не отпустил меня без шу-бы, а во-вторых, следом отправил бы служанку с моими личными вещами, а он хоть и не собирался жадничать до предела, всё равно пошёл на поводу у рыжухи. Я уверена, что приданого не будет.

– Госпожа Даниэлла, позвольте представить вам леди Беттару, мою сестру. И я прошу вас не принимать слова Бетти близко к сердцу. Моя сестра слишком беспокоится.

– Пфф! – высказывается она.

– Бетти, – парень произносит её имя очень спокойно, тем неожиданнее реакция.

Леди Беттара замолкает и, облив меня презрением напоследок, покидает кухню. Я отмечаю, что на её плечах тоже

меховой плащ. Хм? Парень – может, начать называть его графом или женихом? – принес меня к очагу, в кухню. Но разве это не значит, что мы в жилом доме?

Почему все носят верхнюю зимнюю одежду?

Парень провожает сестру взглядом, который мне кажется как будто виноватым. Строить догадки рано, но есть, о чём подумать.

Сейчас идущее от очага тепло и горячий отвар интересуют меня куда больше загадок чужих отношений.

– Обещаю, я не приму сказанное леди близко к сердцу, – отвечаю я с лёгкой улыбкой. Если он рассчитывал получить с меня обещание вообще не реагировать, то нет.

Парень принимает, не пытается требовать больше, кивает.

– Как вы себя чувствуете, госпожа?

– Благодаря вашей работе, граф, мне гораздо лучше.

Момент истины – я не ошиблась с определением его личности?

– Я рад, что вам лучше, госпожа. Я понимаю, что вы нуждаетесь в отдыхе, но... господин Пегкер рассчитывает, что ваша честь не пострадает. Я обещал, что брачный ритуал будет проведён незамедлительно.

По сравнению с Медведем, граф выигрывает. Я ведь перед ним полностью беззащитна, а он ведёт вежливую беседу, объясняет причины спешки, практически, уговаривает, но не тащит в храм силком. Другой бы приказал...

– Батюшка говорил, – задумчиво соглашаюсь я.

Договорённости графа с Медведем меня не касаются. И вообще мне достаточно сказать, что приданого не будет, и брачный ритуал сорван сам собой. Граф ведь женится на госпоже Даниэлле из-за денег, иначе бы его невестой была аристократка, леди.

Только вот какой смысл отказываться от брака? Прямо сейчас меня согревают чужой плащ и чужой огонь. Куда мне идти? Замёрзнуть во льдах? Даже если граф будет столь любезен, что откроет для меня переход... Что меня ждёт у Медведя – порка, заточение в четырёх стенах, а потом выдаст меня за кого-то ещё? Вдруг за деспота-любителя «учить» жену кулаками? Вдруг что-то ещё худшее?

Сбежать?

Даже не смешно...

Куда я пойду, не зная ничего ни о себе, ни о мире?

Стать женой графа... выгодно. Освоюсь, и можно будет подумать про развод. Даже думать не обязательно. Когда граф не получит денег, разве он станет сохранять брак? Вот-вот.

– Госпожа Даниэлла, прошу меня извинить. Мне требуется около часа, чтобы завершить подготовку храма, и я вернусь за вами.

– Да, граф.

– Если вам что-то понадобится, вы можете сказать тётушке Хлое, госпожа.

– Благодарю.

Женщина в тряпье, до того как её упомянули, изображавшая безмолвную тень, кланяется. Почему «тётушка»? На родственницу она не похожа. Служанка на особом положении?

Кормилица, доверенная распорядительница?

Граф отвешивает мне неглубокий поклон и, оставив свой плащ на моих плечах, уходит.

Я остаюсь в кухне наедине с тётушкой Хлоей. Та, поймав мой взгляд, кланяется, но если в исполнении графа поклон был грациозным, преисполненным гордости и собственного достоинства, то от неё веет суетливостью и принижением. Мне хватает мгновения. Я резко встаю, плащ сваливается с моих плеч на пол, и я остаюсь в тонюсеньком свадебном наряде. Я тотчас ощущаю, что в кухне не так уж и тепло, жар идет только от очага, по телу пробегает волна озноба, но я не обращаю внимания. Я подхватываю женщину под руки и помогаю выпрямиться:

– Что вы...

– «Вы»? – ахает женщина. Её настолько поражает моё обращение, что она не замечает, что перебила меня.

– М-м?

– Кухарка я, госпожа. Нельзя ко мне, как к хозяйке.

– Тётушка Хлоя, – исправляюсь я.

– Ох, лишенько! – она замечает упавший плащ, спешно поднимает и возвращает мне на плечи. – Уж вы поберегите себя, госпожа. Север край суровый.

– О чём беспокоиться, тётушка? Ваш отвар чудодейственный, – я заглядываю в чашку. – Вы готовите его из целебных трав?

На кухне я нигде не вижу кувшин, из которого женщина могла бы мне налить новую порцию. Она заваривает каждую порцию отдельно?

– Да, госпожа. По рецепту одного старого аптекаря.

– Тётушка... Чтобы я точно не простыла, тебя не затруднит приготовить ещё?

– Конечно, госпожа, – она почему-то теряется, но не отказывается. – Я быстро, госпожа.

– Не спеши, тётушка. Она тоже выходит.

Я залпом допиваю содержимое чашки. Вкус не чувствую, только горьковато-терпкое неприятное послевкусие. Надеюсь, рецепт стоящий – сейчас заболеть особенно не ко времени. Но я попросила добавку не поэтому. Я всего лишь... спровадила милую женщину.

Мысленно досчитав до тридцати, я крадучись, подбираюсь к двери и с милой улыбкой выглядываю в коридор. Мне везёт – коридор недлинный. Справа несколько дверей и только одна приоткрыта. Очень похоже, что это кладовка, в которую тётушка пошла за травами.

Проверять я, разумеется, не буду.

Радуюсь, что в тряпичных туфельках я ступаю совершенно неслышно, я поворачиваю в противоположную сторону. Откуда-то я знаю, что кухни обычно устраивают на первом

этаже, и по моим прикидкам я могу выйти в холл.

Стопы мёрзнут...

– Гарет, ты не можешь быть таким безрассудным, – слышу я голос Бетти. – Ты не можешь жениться на этой купчихе.

Глава 3

– Бетти, госпожа Даниэлла не купчиха, а дочь купца, – поправляет граф терпеливо-спокойно. Даже я угадываю в его ответе нотки усталости.

В душе поднимается что-то похожее на сочувствие. Не от хорошей жизни граф пошёл на сделку с Медведем. А ещё – признательность и удовлетворение. То, что граф готов защищать меня даже от собственной сестры в разговоре с глазу на глаз, много значит.

Спохватившись, я ныряю в боковой коридор – я не хочу, чтобы меня застукали за подслушиванием, мне жизненно важно понять, что происходит. Вдруг я ошиблась, и брак для меня куда большая угроза, чем возвращение в отчий дом?

– Не купчиха, а дочь мошенника. Прекрасно, Гарет, я запомню.

– Бетти, довольно, – он чуть повышает голос.

– Нет, Гарет! Очнись ты! Отступить от брачного договора очень плохая идея. Сначала приданое – потом свадьба. И никак иначе. Что ты будешь делать, если господин мошенник откажется платить?

Надо признать, что леди говорит правильные вещи. Граф тяжело вздыхает.

– Что ты предлагаешь, Бетти?

– Написать господину Пегкеру, разумеется. Откажись от

спешки. Скажи, что из уважения к невесте настаиваешь на первоначальных договорённостях.

Только бы не выдать себя чиханием. Как назло в носу зашвербило в самый неподходящий момент. Я переступаю с ноги на ногу. Я заболеваю, да?

Я наконец обращаю внимание на то, что следовало заметить раньше – в доме безлюдно. Кроме графа, его сестры и кухарки я никого не видела. В доме сумрачно, тягостно... Атмосфера заброшки, а не жилого дома. Где слуги?

Что я вообще знаю о месте, куда меня вывело волшебное зеркало? Север – понятие относительное. Горничные... Одна сочувствовала, другая злорадствовала, но обе были уверены, что меня ждёт... нищета? Не зря же Малка переживала, что у меня даже сменных панталон не будет.

Скалистый берег, снег, лёд, а внутри каменных стен не теплее, чем снаружи, разве что ветра нет.

Я бы предположила, что граф с сестрой живут где-то ещё, приходят в родовые земли через зеркало, но присутствие тётушки Хлои в мою теорию не вписывается. Да и письмо... Куда именно оно пришло? В почтовый ящик или магия отправляла конверт прямоком графу в руки?

– Бетти, господин Пегкер поставил меня перед фактом, что первоначальные договорённости меняются, за десять минут до открытия перехода, – терпеливо объясняет граф сестре, а заодно и мне.

Стало понятно, почему мне пришлось ждать. Графу по-

требовалось какое-то время, чтобы прочитать сообщение и выйти к берегу.

— Но... — не сдаётся леди.

— Допустим, я напишу. Что дальше, Бетти?

— Зеркала хватит ещё на пять-шесть переходов. Ты отправишь письмо и точно также, не давая времени на возражения, немедленно вернёшься с этой девушкой в столицу. Господину Пегкеру придётся согласиться. Гарет, ты граф! Как бы ни было плачевно наше нынешнее состояние, породниться с тобой большая честь. Заставь этого купца соблюдать договор.

Разумно...

Я слышу ещё один тяжёлый вздох.

— Бетти, я тоже допускаю, что господин Пегкер решил поступить недобросовестно. Ты довольна?

— Тогда почему ты идёшь у него на поводу, Гарет?! Хороший вопрос.

Я тоже не понимаю.

— Потому что моё появление на пороге его дома ничего не изменит. Бетти, подумай сама. Если я прямо сейчас потребую выплатить полную сумму, господин Пегкер разведёт руками и справедливо заметит, что изначально свадьба была назначена на Серебряный четверг и приданое ещё не готово.

— Тогда... дождись праздника?

— А репутация госпожи Даниэллы, Бетти? Господин Пегкер обвинит меня и обратится в Суд чести. Это будет удар

и по моей репутации тоже. Не так уж и много богатых отцов, готовых выдать дочь за опального графа. Может быть, вспомним предложение вдовы Эрики Бонн?

– Это было отвратительно.

– Бетти, я понимаю, что прозвучит наивно и даже глупо, но надеяться на добросовестность господина Пегкера лучшее, что я могу сейчас сделать. Даже если он готов отбросить меня, я буду верить, что он не оставит без поддержки свою дочь. Мошенник он или нет, он отец госпожи Даниэллы.

– Который отправил её в лютый холод в тончайшем платье, да.

– Что ты предлагаешь, Бетти? Открыто показать недоверие и пойти на обострение отношений? Устроить отбор невест? Вот только кандидаток всего две, госпожа Даниэлла и госпожа Бонн. Кому отдаём предпочтение?

– Ожиданию.

Леди упрямо отвергает оба варианта.

– Бетти, мы дождёмся только одного. Наше положение станет ещё тяжелее. Прости, но ожидание это роскошь, которую я не могу себе позволить.

– Решать тебе, Гарет. Помяни моё слово, ты совершаешь ошибку.

– Бетти, что ты предлагаешь?

Раздаются шаги, сперва лёгкие, затем более тяжёлые, твёрдые. Кажется, граф и его сестра расходятся в разные стороны. Видимо, не найдя, что ответить, Бетти ушла от разго-

вора в самом буквальном смысле.

Из моего укрытия в боковом коридоре мне не видно, что происходит в холле. Я прислушиваюсь к звукам. Их спор длился... какое-то время. Я уверена, что тётушка Хлоя давно вернулась в кухню и обнаружила, что я ушла.

Почему она меня не ищет? Я слишком увлеклась? С нехорошим подозрением я медленно оборачиваюсь.

Замотанная в тряпье фигура молча возвышается у стены. Как давно она за мной наблюдает?! И почему не вмешалась, почему не выдала меня графу и его сестре?

В руках женщина держит скрученный шарф, и над ним поднимается густой пар. Видимо, чтобы отвар остывал не так быстро, тётушка Хлоя завернула чашку. Как ни в чём не бывало, словно не застукала меня за подслушиванием, она с поклоном подаёт мне свежеприготовленный отвар, и я принимаю из её рук чашку, обхватываю ладонями, ощущаю, как от керамики исходит тепло. Тётушка Хлоя распрямляется, и на миг мы встречаемся взглядами. Она очень быстро опускает глаза.

Но мне ведь не показалось!

На краткий миг её острый взгляд...

Почему мне хочется назвать его ведьминским?

– Лишенько, госпожа. Босиком-то! – сетует она, и мне в её нарочитой простоте мерещится не обман, а настоящая издёвка.

– Я в обуви, – отвечаю я, наверное, излишне резко.

– Разве же то обувь, госпожа? – тётушка Хлюя словно не замечает и продолжает свою добродушную воркотню заботливой наседки. – Вы уж простите графа, он долг перед вашим бабушкой выполняет. Как только разделите брачную чашу, граф и комнату вам вашу покажет, и распорядится. Не дело держать невесту на кухне. Вы, госпожа, не обессудьте. У очага теплее всего.

– Понимаю...

На самом деле, нет. Поведение служанки объяснимо, если граф приказал ей быть со мной предельно вежливой и обращаться как с хрустальной вазой. Остаётся открытым вопрос зачем ему это. Боится, что я перекрою доступ к приданому? Это имеет смысл.

Я в два глотка допиваю отвар и отдаю чашу служанке.

– Госпожа?

– Я хочу увидеть свой будущий дом, тётушка. Давайте пройдемся.

– Без чулок, госпожа?

– Без чулок.

Я выхожу в холл, и здесь не на много светлее, чем в служебном коридоре. Дневной свет с трудом проникает через узкие стрельчатые окна, которые по ощущениям не мыли с десяток лет. Половина окон и вовсе закрыты ставнями. Дерево потемнело от старости, но не растрескалось, а вот мебели нет. Перенесли? Продали? Пустили на дрова? Я разглядываю следы утраченного процветания и невольно восхищаюсь

мастерством строителей. Сколько веков здание стоит без ремонта, без обслуживания? Хотя внешний лоск утрачен, стены выглядят крепкими.

Приблизившись к окну, Я выглядываю на улицу и вижу снежно-льדיстых пустырь и купол голубого неба. Вдали кружит чайка, но здесь её крики не слышны.

Ногам холодно.

Тётушка Хлоя права – без шерстяных чулок бродить плохо.

Но прежде, чем я вернусь к очагу, я попытаюсь хоть что-нибудь вытянуть:

– Впечатляет... Граф намерен восстановить родовой замок? Это же замок, верно?

– Что вы, госпожа! Разве же Дом восстановить? Невозможно. Я изо дня в день молюсь, чтобы его императорское величество сменил гнев на милость и позволил его сиятельству вернуться.

Кажется, в разговоре с сестрой граф тоже упоминал опалу. Хм...

Изначально я предложила, что обедневшему графу не хватает средств на привычный образ жизни – на поддержание Дома, на найм многочисленных слуг, на балы, модные выезды, охоту и прочие увеселения, считая женщин полусвета и азартные игры. Но сейчас я понимаю, что следовала дурным предрассудкам. Откуда они в моей голове? Из того, что я вижу... Положение у графа отчаянное.

Задумавшись, я не сразу обращаю внимание на тихие шаги. Кто-то спускается со второго этажа.

Бетти? Мне бы не хотелось сталкиваться с ней без графа. Я оборачиваюсь.

Вниз, цокая подкованными каблучками, спускается закутанная в слишком длинный для неё плащ, ещё одна, без сомнения, леди. Миловидное лицо украшает фамильная ямочка на подбородке, светло-русые волосы выются забавными кудряшками, глаза сияют детским любопытством.

Сколько у графа сестёр?

Леди останавливается на ступеньках. На лице появляется выражение милой растерянности, которое, впрочем, быстро сменяется улыбкой, и оставшиеся ступени леди преодолевает резвым бегом.

Лицо у неё совсем юное, почти что детское.

– Добрый день, госпожа, – голос у неё тоже немного детский, звонкий как весенний колокольчик. – Мы не были представлены друг другу.

– Добрый день, леди. Полагаю, мы можем отступить от строгих формальностей и познакомиться? – предлагаю я.

– Да! – кажется, девочка искренне радуется, получив моё одобрение. Она запинается.

Я тоже не знаю, кто из нас должен представиться первой. Про чаек помню, предрассудки помню, а правил этикета не помню. Почему так избирательно? Может быть, я никогда не обучалась этикету? Но разве знание, как здороваться с

титулованной особой не важнее знаний, чем географический север отличается от магнитного?

– Я Даниэлла, невеста его сиятельства.

– Я Мими, сестра Гарета. То есть... его сиятельства.

– Рада знакомству, леди Мими, – я протягиваю руку, чтобы поздороваться, но девушка смотрит на меня с недоумением.

Она не понимает предложения пожать руку или считать рукопожатие ниже своего достоинства? Чуть помедлив, я опускаю ладонь.

– Мими, – раздаётся голос старшей из сестёр, похожий на голос рыжухи, – госпожа Даниэла предложила тебе простолюдинский жест, которым между собой обычно здороваются приказчики, мелкие дельцы и прочий люд низкого происхождения. Как ты знаешь, в отличие от аристократов, ни купцы, ни крестьяне не носят перчаток, и мне всегда было странно, как можно можно соприкасаться голыми ладонями. Если бы перед рукопожатием слуга подавал тазик для омовения, но нет, никто не беспокоится о чистоте.

Впрямую ничего не сказано, но что это, если не красивое оскорбление? Только что старшая сестра графа объявила мне войну.

Глава 4

Зря она.

Её подозрения, её болезненное переживание собственной уязвимости и полнейшей нищеты – я всё понимаю. Но я не принимаю. Срывать злость на себе я не позволю. Со своим ядовитым недовольством пусть идёт... если без грубостей, то пусть идёт к брату-графу или к Медведю.

Непосредственно ко мне Бетти не обращалась, поэтому будет неправильным отвечать ей.

– Да, Мими, – улыбаюсь я, – я привыкла, что в знак добрых намерений люди протягивают открытую ладонь, тем самым показывая, что видят в собеседнике личность, а не соревнуются в иерархии, которая, как показывает жизнь, нередко ни что иное, как поистрепавшееся наследие, скрывающее под потускневшим блеском позолоты труху веков.

Лишь высказавшись, я перевожу взгляд на Бетти. Старшая леди бледна.

Возразить ей совершенно нечего, я ткнула в самое болезненное место, в ту неприятную правду, которую леди бы предпочитала не замечать – леди пала до того, что ради денег станет родственницей простолюдинки.

– Теперь я вижу, что мой брат напрасно беспокоится. Тепличный цветок оказался сорным чертополохом.

Она всё ещё пытается меня уязвить? Напрасный труд.

– Леди, тепличному цветку нужна оранжерея. Вас не затруднит показать мне здешний зимний сад? Пока что я видела только руины.

Она делает шаг ко мне:

– Ещё не замужем, но уже вообразила себя хозяйкой? Какой замечательный вопрос...

Гарет молод, но уже при титуле. Что случилось с его отцом? Кстати, не обязательно, что носителем титула был именно отец. Это мог бмс ыфццить дядя или дед. Да кто угодно. Мало ли? И титул не обязательно перешёл по наследству, могло быть отречение. Только вряд ли.

Скорее безвременный уход, и не только графа-предшественника, но и графини. Каким бы ущербным и убыточным ни было графство, кто ведёт хозяйство?

Неужели Бетти на правах старшей сестры и старшей женщины семьи? Получается, моё происхождение лишь повод для неё, а истинная причина гнева – нежелание упускать бразды правления.

Пфф!

Это смешно.

– Без проблем. Я осмотрелась и мне не слишком нравится. Как насчёт того, чтобы я отказалась от брака?

– Отказалась? Девочка, это решать не тебе и, увы, не мне. Только графу и господину Пегкеру. Выкрутилась.

Я насмешливо прищуриваюсь, но спор не продолжаю. Меня вполне устроит статус кво – якобы ни одна из нас не ре-

шает. Насчёт себя я не уверена. Как проходит брачный ритуал? У меня ни малейшего представления, зато память подкидывает смутные образы молодожёнов в алой одежде, кланяющихся земле и небу, родителям, друг другу, размытый образ невесты в белом как снег платье и почему-то последней память показывает кисть руки, украшенную кружевным коричневым узором.

Загадочно...

Откуда у меня уверенность, что во время церемонии согласие невесты всё же спрашивают? А вдруг не спросят?

Какая разница? Я ведь решила, что граф лучше Медведя.

– Бетти, госпожа Даниэлла через полчаса будет новой хозяйкой графства, И как много граф слышал?

План прикинуться ромашкой провалился с треском. Хм, у меня был такой план? Как любопытно...

Бетти демонстративно поджимает губы, всем своим видом излучая неодобрение и обиду, но граф остаётся холоден, и Бетти закутывается в плащ будто закрывается от обид. У меня складывается впечатление, что она упивается своим страданием. Но если меня её игра оставляет равнодушной или даже слегка раздражает, то Мими принимает всё за чистую монету и кидается утешать сестру в трогательных объятиях.

А сверху спускается ещё одна девушка.

Точная копия Мими внешне, только менее улыбчивая. Если Мими похожа на солнышко, то эта девушка – на сияю-

шую, но всё же более блёклую по сравнению с дневным светом, луну. Сёстры-близняшки?

– Гебби, – граф протягивает схваченную перчаткой ладонь, помогая сестре преодолеть последние ступеньки, – позволь представить тебе мою будущую супругу госпожу Даниэллу. Госпожа Даниэлла, познакомьтесь. Моя младшая сестра леди Гебэра.

Подведя сестру ко мне, он отпускает её руку.

– Очень приятно, – улыбаюсь я.

– Кому из нас не повезёт преподавать госпоже этикет? – Бетти продолжает гнуть своё с упрямством осла.

Чего она добивается?

Граф, к его чести, не ввязывается в перепалку, игнорирует сестру и разговаривать продолжает со мной:

– Госпожа, я приглашаю вас в храм.

– Всё готово к ритуалу? – уточняю я. Разве граф не говорил про час подготовки? Мне кажется, времени прошло гораздо меньше. К тому же он отвлекался на спор, который я подслушивала.

– Ещё нет. Прошу за мной.

Приказывать граф умеет, я его недооценила.

Не исключено, что вежливым он со мной был, чтобы не сорвался ритуал. Каким муж покажет себя после свадебного ритуала?

Нужен ли мне этот ритуал?

Почему я не помню ничего важного? Чёрная дыра памя-

ти выплёвывает почти бесполезную ерунду. Вот как мне поможет обрывок воспоминания о традиции устраивать перед свадьбой ночь хны?

Пока я размышляю, Мими, не отпуская Бетти, перехватывает меня под локоть, и хватка у неё оказывается неожиданно цепкой. Девочка крутит головой, поочерёдно заглядывая в глаза то мне, то сестре. Она точно наивная или притворяется? А кто в этой семье без двойного-тройного дна.

Не мне придираться. Я в каком-то смысле не просто шкапулка с секретом, а бездонный чёрный ящик.

Гейби, бросив на брата быстрый вопросительный взгляд, мигом принимает решение, и подхватывает меня под свободную руку, и я оказываюсь зажата между близняшек. Сёстры словно отрезают мне пути к бегству. Ну или граф не хочет, чтобы я без присмотра бродила, где мне вздумается.

Вырываться я не собираюсь. Зачем? Пусть ведут. Увидеть храм до начала ритуала, пожалуй, интереснее всего. Пока что я представляю себе только, как вернуться в коридор, ведущий в кухню и как подняться на второй этаж. А где у нас храм? Граф направляется к парадным дверям...

– Госпожа, как же босиком-то?! – всхлипывает тётушка Хлоя.

– Госпожа? – оглядывается граф. – Вы... не переобулись?

– Во что, ваше сиятельство?

Он забыл, что у меня нет багажа? Он не видит, что из тёплой одежды на мне только его плащ?

– Простите, госпожа. Мими, ты нам не поможешь?

– Конечно, а-а-а...? – девочка оглядывается на меня словно за подсказкой. Бетти не упускает возможности сцедить новую порцию яда:

– Мими, наш брат намекает, что для госпожи сойдёт и ношенная обувь Даниэлла, я не возражаю, я уступлю свои ботинки. Сейчас принесу, – она освобождается от руки сестры. Зараза.

При всём моём крошечном беспамятстве, я прекрасно понимаю, что Бетти ставит меня наравне со служанкой, а ещё это примитивная ловушка. Если яотреагирую на оскорбление, Бетти отступит, и я останусь без обуви.

В тряпичных туфлях даже в здании холодно, стопы у меня ледяные.

– Леди, если вас не затруднит, – начинаю я вежливо, а завершаю приказным тоном, – шерстяные чулки тоже прихватите.

Я тоже могу заставить её почувствовать себя служанкой.

Она вскидывает голову, и я понимаю, что уязвила её. Улыбка у Бетти получается кривая.

Обозначив кивок, Бетти поднимается по лестнице, а я начинаю гадать, почему она не отправила за обувью ту же тётку Хлою, если горничных нет. Как-то... подозрительно? Неужели будет перебирать в поисках наихудшей пары?

– Бетти вредина и зануда, – шепчет мне на ухо Мими сладким доверительным тоном. Я кивком показываю, что услы-

шала.

Гегби тоже услышала и позволяет себе лёгкую усмешку. У близняшек не очень хорошие отношения со старшей сестрой?

– У вас три сестры, ваше сиятельство?

– Да, госпожа.

– Вы не настроены хоть немного рассказать о себе, граф? Простите за назойливость. Я совсем ничего о вас не знаю.

– Вы боитесь? – живо удивляется Мими. – Госпожа, старые сказки всего лишь пустая болтовня людей! Право, страшилки не стоят вашего внимания.

– Оу-у... – я имела в виду несколько иное.

Для начала я не знаю даже фамилию своего будущего мужа. Но и сказки я тоже послушаю, мало ли что услышу.

– Мими, будь снисходительна. Ты бы тоже чувствовала себя неуютно, если бы оказалась в месте, которым тебя в детстве пугала няня. Госпожа, вам тоже говорили, что, если вы будете непослушной девочкой, придут демоны из Северного графства и вас съедят?

– Не припомню такого.

– Госпожа, не смущайтесь.

– Даже нас так иногда пугали, – подхватывает Гегби. Я пожимаю плечами:

– Мифы не рождаются из пустоты. Я верю, что легенды это забытая искажения быль.

– Боюсь, вас ждёт разочарование, госпожа. В графстве нет

демонов. Графу очень идёт улыбка.

Но она пропадает, как только радаётся резкий голос Бетти:

– Если бы демоны действительно жили в подвале, они бы давно померли с голода, – она спускается, держа в руках картонную коробку.

С возвращением Бетти атмосфера меняется, становится тяжёлой, колючей, совершенно не свадебной. Младшие сёстры переглядываются и замолкают, а Бетти с видом, будто оказывает мне величайшее одолжение, протягивает коробку. Девочки меня уже отпустили, и я забираю коробку, тут же открываю, причём так, чтобы все могли увидеть, что внутри. А внутри стоптанные ботинки на грубой подошве и толстые чулки с заметной дыркой на пятке. Я ловлю мрачный взгляд, Бетти смотрит на меня со смесью любопытства и злорадного предвкушения. В ответ я улыбаюсь. Если она ждёт, что я буду возмущаться, то напрасно.

Чулки хоть и ношенные, но выглядят чистыми.

Я ставлю коробку на ступеньки, опираюсь локтем о перила и, подняв ногу, натягиваю чулок не только поверх своего тонюсенького, но и поверх тканевых туфель. И сёстры, и граф почему-то отворачиваются, а Бетти ещё и тихо фыркает. Что-то не так? На ум приходит, что поднять подол, демонстрируя лодыжки, может считаться неприличным. Так может или считается? Память, ау! Я задрала выше колен... Не важно. Я обуваюсь, затягиваю ремешок и делаю пробный шаг.

Ступням больше не холодно! Как мало беспамятной надо для счастья. Хотя... Мне бы ещё шапку.

Ладно, сперва поженимся, потому что мне надоело гадать какой выбор правильный – граф, Медведь или бегство в заснеженную пустошь.

– Госпожа? – окликает меня граф.

– Да?

Он открывает дверь, и порыв ветра приносит с улицы снежинки. Они падают на каменные плиты пола, играют в свете солнечных лучей и... не тают. Сёстры плотнее запахивают плащи и одна за другой выходят. Граф, по-прежнему без плаща, в одном старом мундире, протягивает мне руку.

Сказать ему, что приданого не будет? Но оставить меня без сундучка с золотом грозила рыжуха, Медведь ничего подобного не говорил.

Граф терпеливо ждёт.

Прочь сомнения, выбираю свадьбу.

Посмотрим, каким граф себя покажет после брачного ритуала.

Глава 5

На улице меня встречает пронизывающий ветер. У ног закручивается позёмка, и я радуюсь старым башмакам как великому сокровищу. Оставшись в тканевых туфельках, я бы рисковала отморозить стопы.

Я всё ещё рискую поймать воспаление лёгких.

– Идти недалеко, – заверяет меня граф, и мне кажется, он говорит с искренним беспокойством о моём состоянии.

Квадратный двор закован растрескавшимися плитами, по периметру тянутся остатки рухнувшей стены, которая, вероятно, в отличие от жилого здания, была сделана небрежно. Впереди та же картина, какую я запомнила, оказавшись на побережье – простор до горизонта, скальные террасы и снежно-льדיстый рваный покров.

Я оглядываюсь на Дом – два этажа, стены кое-где в белёсых пятнах лишая, слепые окна, крыша неожиданно поблёскивает тёмным серебром. Кровля на вид необычная, незнакомая. Как будто есть знакомая... Память словно в насмешку подбрасывает картинки со зданиями под ярко-красной или приглушённой терракотовой черепицей, а здесь покрытие похоже не на обожжённую глину, а на... настоящую чешую дракона. Или на шкуру помершего с голоду демона из страшилки-легенды.

Спросить? Лучше потом – я не хочу выглядеть глупо. К

тому же разбираться в особенностях кровли точно не насущная проблема. Крыша держится, осадки не пропускает – прекрасно! Хотя что-то у меня хорошо. А даже если и пропускает, то у меня по плану свадьба, а не промышленный альпинизм.

Я предёргиваю плечами – мои мысли ощущаются пугающе чужеродно окружающей действительности.

Пока я в очередной раз заглядываю в чёрную дыру в своей голове, граф уверенно подхватывает меня под руку и увлекает куда-то налево, мы догоняем сестёр. Бетти идёт впереди в гордом одиночестве, словно возглавляет наше шествие. Близняшки пересмеиваются между собой, и замыкаем я и граф. Тётушка Хлоя – я оглядываюсь – за нами не идёт. Наверное, вернётся в тёплую кухню. Кстати, о тепле.

– Вы вышли без плаща, ваше сиятельство?

Свой он уступил мне. Получается, другой тёплой одежды в доме нет?

– Мундира достаточно, госпожа. Всё же здешний климат для меня родной.

– Вы здесь выросли, граф? – не представляю, каким может быть детство в столь суровом крае.

– Что вы, госпожа. До недавнего времени мы жили под столицей, но обстоятельства вернули нас в родовые земли.

Он имеет в виду опалу?

Как разобраться во всём и сразу?

Вообще-то мне совершенно не хочется лезть в придвор-

ные интриги, но куда деваться? В тот миг, когда мы поженимся, дела графского рода станут и моими делами тоже. Хм, разбежалась деловая, беспамятная. А я точно стану графиней, а не супругой графа? Гарет упоминал, что я буду хозяйкой...

Обогнув Дом, мы оказываемся в узком проходе. Всюду разбросаны обломки, отколовшиеся при обрушении стены.

Проход выводит нас к руинам, за которыми рокочет море.
– Здесь по-своему красиво, – я пытаюсь польстить будущему мужу, но я не лгу. Виды открываются умопомрачительные. Правда, любоваться ими я бы предпочла, например, из тёплой каюты комфортабельного лайнера.

– Спасибо, госпожа. Аккуратнее, пожалуйста.

Как назло под пятку попадает острый камешек, и я оступаюсь. Граф придерживает меня под руку, не позволяя упасть, а я рефлекторно крепко вцепляюсь в его локоть, и мы останавливаемся, глядя друг другу в глаза.

Я ощущаю лёгкую растерянность, а вот граф, кажется, смущается, слишком уж поспешно он отворачивается.

– Позвольте полюбопытствовать? Крыша терпит, но этот вопрос – нет.

– Да, госпожа?

– Батюшка, торопился и лишь сказал, что я должна быть готова к свадьбе за час. Я не знала, что ритуал пройдёт не в столице, и, признаться... я не совсем понимаю, где мы находимся.

– В Северном графстве, госпожа.

– М-м-м... – неловко получается. – Северное графство на севере. Это всё, что я знаю. В окрестностях есть города, сёла?

– Госпожа...

Гарет меняется в лице. Заинтересованность в беседе и дружелюбие исчезают, а новые эмоции скрывает безупречная маска, граф превращается в такого равнодушного истукана.

Похоже, случайно я попала по больному месту.

– Я что-то не то сказала? – поспешно уточняю я, чтобы хоть немного сгладить. Однако ответить граф не успевает.

– Пфф, у госпожи острый язычок! – язвительно комментирует Бетти. Зараза.

– Всё в порядке, госпожа, – уверяет граф.

Только вот Бетти не собирается отступать легко и с охотой поясянет:

– Вы, госпожа Даниэлла, в очередной раз продемонстрировали своё невежество. Поразительная необразованность.

– Бетти!

– Разве я не права? Госпожа станет графиней, а графиня-неуч... Действительно, мезальянс сам по себе настолько позорен, что нет смысла переживать о чём-то ещё.

Второй раз напоминать, что я готова отказаться от брака прямо сейчас, как-то глупо. Если у леди короткая память, то я не буду долбить как дятел по десять раз на дню одно и то же.

Пожалуй, мне вовсе не стоит обращать на леди внимание. Хочет язвить? Пожалуйста! Подозреваю, что Гарету её злословие уже давно поперёк горла, так что пусть сам с ней разбирается.

– Вас не затруднит меня просветить? Хотя бы в паре слов? – я улыбаюсь графу.

– Когда-то давно рядом было поселение, но когда мой предок окончательно перебрался в столицу, люди тоже покинули север. Здесь нет плодородных земель, а лето короткое и холодное, земледелием заниматься невозможно.

– Чем же жили люди?

– Обслуживали замок.

Тогда я не понимаю... Картина прорисовывается абсурдная. Был северный край, бесплодный и никому не нужный, а главное, он был необитаемый, потом до берега добрался некий аристократ, привёл людей, возвёл замок, храм, посёлок. Кто будет строиться там, где нет ресурсов?

Может, ресурсы были, но закончились? А если поискать? А если хорошо поискать?

– Пришли, госпожа, – граф отпускает мою руку. Эм?

Относительно целое строение больше похоже на склеп, чем на храм: маленькое, приплюснутое, сложено из крупных грубых блоков, и в швах давно поселилась бахрама лишайника. Не боясь запачкаться, граф сдвигает скрывающую вход плиту, и за ней меня поджидает сюрприз.

Вниз под ощутимым наклоном убегает туннель. Вряд ли

он построен, скорее, вырублен в скале. И уводит он в крошечный мрак.

– Кажется, что внизу тьма жидкая, правда? – огорошивает меня одна из близняшек. Я не могу сообразить, Мими или Гебби.

– Похоже, – соглашаюсь я.

Теперь мне действительно кажется, будто внизу налиты чернила.

– Это и есть колодец из страшилок.

– Нет никого колодца, – отрезает граф.

Он стягивает перчатку и касается стены голой ладонью. То, что происходит дальше, в голове не укладывается. Под его рукой рождается мертвенный очень яркий голубой свет и будто по невидимым желобкам убегает вниз, расцветая на стенах светящимся орнаментом. Граф будто световую гирлянду включил. Только... магией.

Почему меня это настолько впечатляет? Магия ведь обыкновенна?

Пока я раздумываю, граф заходит под свод. В туннеле уже светло, но куда он уходит не рассмотреть, слишком уж длинный.

– Осторожнее, госпожа Даниэлла, – предупреждают близняшки. – Здесь не скользко, но идти всё равно не удобно.

– Спасибо.

Бетти опережает меня на шаг и повисает у графа на локте:

– Ты ведь поможешь мне спуститься, Гарет?

Ха...

Для троих туннель слишком узкий, а значит граф сможет помочь либо мне, либо Бетти. Близняшки не просят, они держатся друг для друга и, пересмеиваясь, спускаются в обгон нас, им помощь не требуется.

Граф оглядывается на меня и снимает Бетти с локтя.

– Сестрёнка, подожди здесь, я провожу госпожу Даниэллу и вернусь за тобой.

– А?

Разборки утомляют.

Бетти тоже оглядывается, пронзает меня огненным взглядом. Хочет смутить? Хочет, чтобы я отказалась в её пользу? Ну-ну.

– Спасибо, ваше сиятельство. Леди, я постараюсь идти быстрее, чтобы вам не пришлось ждать слишком долго.

У неё пар из ушей не пойдёт? Леди лопается от гнева. Она точно сестра? Впору заподозрить ревность.

Граф подхватывает меня под руку, и мы начинаем спускаться. Я очень быстро понимаю, что без его поддержки мне было бы по-настоящему трудно. Спуск относительно пологий в начале становится довольно крутым. Самое неприятное, что при падении зацепиться почти не за что. Лететь до низа мне бы не хотелось.

Узор на стенах усложняется, перетекает на потолок. Простая геометрия сменяется растительным орнаментом, а вскоре и вовсе появляются сюжеты с изображениями людей,

только вот рассмотреть детали я не успеваю. Просить остановиться, когда сама пообещала идти быстрее?

– Оу! Моя нога!

Мы с графом оборачиваемся.

И почему я не удивлена? Бетти и не подумала ждать, когда брат за ней вернётся, не торопясь, с отставанием, пошла за нами и в какой-то момент оказалась сидящей на полу. Уже то, что она не скользит вниз, наводит на подозрения. А ещё упала она в приличную позу – ноги скрыты юбкой, и за щиколотку леди держится через подол.

– Бетти, я же сказал тебе ждать.

– Прости, Гарет. Я поняла, что ты не хочешь заставлять свою невесту ждать, – она театрально всхлипывает и трёт ногу.

Я предвзята, и я не верю.

– Госпожа, пожалуйста, не спускайтесь без меня.

– Да.

Я с удовольствием рассмотрю изображения. Бетти, сама того не зная, подыграла мне.

Гарет возвращается к сестре и, не устраивая осмотра, подхватывает её на руки. У него сегодня особенный день – девиц таскать. Бетти приобнимает его за плечо и удобно устраивает голову.

– Простите, что так получилось, госпожа, – улыбается Бетти, когда граф проносит её мимо.

– Не торопитесь, ваше сиятельство.

Изображения контурные, но легко «читаются». Растительный орнамент обрамляет квадрат. Внутри безликая, но явно женская фигура сидит то ли в обычном кресле, то ли на троне.

Возвышение если и есть, не показано. Женщина тянет руку, пальцы кисти сложены в указующем жесте.

В соседнем квадрате изображена танцовщица. Или акробатка. И тоже грудь прорисована, нет сомнений, что показана девушка или женщина, а вот лица снова нет.

Ещё один квадрат – девушка с кошкой. А изображения мужчин есть?

Внимание привлекает крылатое изображение, но это вновь женская фигура.

Не все картинки оказываются понятны. Девушка с ножом в руке – она готовит или сражается? А может, клинок ритуальный? Одну из картинок мне точно хочется назвать жертвоприношением – девушка возлагает на алтарь цветы. Объяснить, почему я решила, что прямоугольник – это именно алтарь, я не могу.

Изображение мужчины я всё же нахожу.

Глава 6

Изображение парное. Безликая женская фигура – мотив повторяется – сидит в кресле и держит на открытой ладони распутившийся цветок, а перед ней стоит он, и тоже фигура прорисована хоть и контурно, но детально, а вместо лица пустота.

Что происходит в кадре? Да что угодно.

– Госпожа? – окликает вернувшийся граф. Я и не заметила, как он успел спуститься и подняться.

– Я засмотрелась, – объясняю я. – Что здесь изображено?

Граф смотрит на меня с лёгким недоумением, словно не ожидал, что волшебная роспись коридора может привлечь моё внимание.

Пожав плечами, он отвечает про все картинки разом:

– Ритуальные сцены, вероятно, – и поясняет, почему вместо конкретики лишь предположение. – В сохранившихся летописях нет единого мнения, госпожа Даниэлла. Если вам интересно, я передам вам копии записей.

– Как-нибудь, – соглашаюсь я и пытаюсь вытянуть хоть что-то, например... – Почему некоторые фигуры с крыльями?

– Есть версия, что это отсылка к демонам, – без особого энтузиазма отвечает граф, он старается быть вежливым, но чувствуется, что тема ему почему-то неприятна.

Я опираюсь на руку будущего мужа, и мы начинаем спускаться.

Я спохватываюсь, что, наверное, следовало проявить участие и поинтересоваться не изображениями, а самочувствием Бетти, но... К чему лицемерие? Притворилась Бетти или нет – мне всё равно. Уж лучше под ноги смотреть, а Бетти обойдётся без фальшивого сочувствия.

Туннель длинный. Вряд ли он спускается ниже уровня моря, но в толщу скалы вгрызается основательно. Заканчивается туннель резко, будто его обрубili. На миг я вообще не могу понять, куда мы спустились – кажется, что в глухой тупик.

Квадратный проём у самого пола, и, чтобы пройти, придётся согнуться.

Граф первым наклоняется и пробирается на корточках. Я – следом. Как-то не так я представляла себе вход в храм...

Зал, куда мы попадаем, очень простой. Так и тянет сказать, что он примитивный. Прямоугольный, вытянутый, пустой, не считая волшебного, дающего голубой свет, орнамента, без отделки. У дальней стены установлен грубо отёсанный камень. Если бы я рисовала его в том же «контурном» стиле, то получился бы прямоугольник точь-в-точь как на изображениях в тоннеле.

Бетти сидит у алтаря и трёт щиколотку. На лице выражение оскорблённого достоинства, близняшки о чём-то тихо спорят. Держатся они отдельно от сестры и ни капли сопер-

живания не демонстрируют.

Граф отпускает мою руку.

– Свечей нет, – жалуется Мими.

Гебби рядом с сестрой выглядит бледной и болезненной.

– Госпожа, мне нужно некоторое время, чтобы подготовиться.

– Да, конечно.

То, что граф просит подождать, я поняла. Но что именно он хочет? Чтобы я составила компанию девочкам или я могу побыть любопытной?

Камень оказывается с секретом – граф сдвигает столешницу и внутри открывается ниша. Вряд ли в тайнике скрываются ритуальные предметы. Граф вынимает чашу, две короны, отличающиеся лишь высотой и количеством зубцом. К коронам он добавляет два жезла и один кинжал.

Есть ли в тайнике что-то ещё, я не знаю – что-то мне подсказывает, что лезть через плечо неприлично.

Бетти, позабывшая про щиколотку и пристально наблюдавшая за подготовкой, резко поднимается:

– Гарет!

– Да?

– Нет никаких причин проводить обе части ритуала, – она стискивает кулак с такой силой, что костяшки белеют.

О чём речь?

Почему я ничего не помню?! Нет, что-то я помню, на ассоциациях обрывки воспоминаний всплывают, только ни в

единую картину не собираются, ни с окружающей реальностью не стыкуются. Но раз обрывки есть, значит, у меня не чёрная дыра, а чёрный ящик с неизвестным содержимым, и это содержимое надо как-то извлечь.

Я пытаюсь вспомнить, но висок прокалывает, и я добиваюсь вспышки головной боли.

– Бетти.

– Разве я не права? Согласно договору с господином Пегкером, ты обязался взять госпожу Даниэллу в жёны и дать ей титул. Давать в руки простолюдинки родовые регалии – это слишком!

Хм?

Если Бетти против, чтобы я прикасалась к старинным предметам, то я могла бы ей уступить. С условием, что на фоне скандальной леди я буду смотреться уравновешенной особой, готовой поддержать будущего мужа там, где против него родные люди.

А вдруг ритуал – это не формальная церемония, а настоящее волшебство? Стоит ли связывать себя с графом магическими узами?

Скорее нет, чем да. Логика подсказывает, что расторгнуть юридический брак гораздо легче, чем магический. То, что граф нравится мне и внешне, и обращении не означает, что я хочу связать с ним жизнь.

Если я ничего не понимаю в происходящем, как я могу всерьёз думать о разводе?

– Вы неправы, леди.

Судя по тону, Бетти его достала.

– В чём, позвольте спросить?!

Мими пытается унять сестру, приобнимает, но та резко сбрасывает её руку и делает шаг к алтарю. Остановить её граф не успевает. Бетти хватается нож за лезвие, пальцы окрашиваются алым, и несколько капель крови падают на алтарь.

– Бетти!

Она отпускает нож, лезвие звякает по камню.

Капли не пачкают столешницу, они с шипением впитываются в камень, и алтарь начинает светиться мягким розоватым сиянием, оно же, но более яркое, охватывает выложенные на столешницу предметы.

Ухмыльнувшись, Бетти отступает.

– Оказывается, ваша нога в порядке, леди, – замечаю я.

– Леди, вы перешли черту.

Граф сжимает кулак точно также, как сжимала Бетти – большим пальцем внутрь, до белеющих костяшек. Очевидно, что он в гневе. Но... он держит себя в руках. Он не только не отвешивает ей пощёчину, как сделал бы Медведь, он голос не повышает, наоборот, молчит, сцепив зубы.

А Бетти продолжает нарываться:

– Накажете меня запретом покидать комнату, брат?

– Ваше сиятельство? – окликаю я. – Что-то не так? Отвечает Мими:

– Бетти разбудила регалии.

То есть насчёт магии я угадала.

– И... что?

– Если регалии вас не признают, то завершить брачный ритуал будет невозможно.

– Свадьба сорвана, – заключает Гебби. Да уж.

Я не слишком-то стремилась замуж, выбирала между Медведем и графом. Возвращение к батюшки ничем хорошим для меня не обернётся. На севере будут свои трудности, но уже одно то, что граф вежлив и предупредителен, меня с ними примиряет.

Никаких «свадьба отменяется» – я против!

Лучась самодовольством, Бетти демонстративно отходит подальше, но не уходит, а встаёт у стены в ожидании продолжения. Граф бледен и... к разговору не пригоден. Остаются словоохотливые и лёгкие в общении близняшки.

Но я не спешу задавать вопросы, я наблюдаю за графом. Он словно на стеклянную стену налетел, и теперь не знает, что делать. Стоит, таращится на пробудившиеся регалии...

– Почему сорвана? – уточняю я у Гебби.

– Потому что регалии вас не признают, госпожа. Простите... Чушь какая-то.

– Почему вы уверены, что регалии меня не признают, леди?

– Регалии реагируют на силу крови, госпожа. Ага...

Понятного мало, но хоть что-то вырисовывается. Сомневаюсь, что артефакты реагируют на титулы, а вот на магию

– запросто.

– Ваше сиятельство, насколько мне известно, изначально церемония должна была состояться в столице? Я понимаю, что явиться в храм без предварительно назначенного времени, жест, мягко говоря, скандальный. Но разве это не лучшее решение?

Если я права, в столичной церемонии регалии бы просто не использовали, а значит, проблем с проведением церемонии не будет.

Близняшки переглядываются.

Граф, встрепенувшись, почему-то не спешит отвечать. Зато Бетти...

– Это будет позор, – хмыкает она. Вот чему она радуется?

Только что она перечеркнула попытку графа вытащить семью из нищеты, и пусть попытка спорная, но граф хоть пытается. А она? Что-то Бетти не спешит ни замуж за богача выйти, ни обеспечить семье приток финансов каким-нибудь иным способом.

– Госпожа, я прошу прощения, – обращается ко мне граф, – я показал вам не только плачевное состояние графства, но и свою несостоятельность как главы рода.

Меня пугает, как у Бетти меняется выражение лица. Она преображается в хищницу, почуявшую добычу. Она хлопает ладонью по стене храма, к голубому свету добавляется тревожно пульсирующий густо-фиолетовый с кроваво-красным отливом свет.

– Во имя чести я требую суд крови! – торжествующе заявляет Бетти... Близняшки ахают.

А регалии отвечают усиливающимся сиянием.

– Бетти.

– Гарет, вы сами признали свою несостоятельность как главы семьи. Так почему вы должны продолжать возглавлять наш род? Что вы можете дать нам, кроме купца в родню? Как новая глава, я буду представлена его величеству. Я смогу просить о некотором смягчении.

Мне трудно судить насколько план здравый, но провокации получили объяснение – Бетти очень точно просчитала реакцию брата. Только вот сомневаюсь, что ответ императора такой же предсказуемый.

Кинжал, спокойно лежавший на столешнице алтаря сам собой сдвигается. Следом положение меняют короны и жезлы, и в последнюю очередь чаша. Артефакты выстраиваются в круговом порядке.

Суд... будет магическим?

Внезапно светящийся орнамент на стенах словно с ума сходит. Линии искажаются, приходят в движение, начинают извиваться подобно змеям. Я не на шутку пугаюсь. Весь свет устремляется к алтарю и очень быстро впитывается, зал погружается в кромешный мрак.

Только артефакты продолжают светиться, однако толку от этого никакого, тьму они не разгоняют.

– Ваше сиятельство? – зову я. Мне страшно.

Мой голос гаснет во тьме точно также как погас свет. Я не только ответ не слышу, я себя не слышу.

Я пытаюсь топнуть. Спасибо, что опора остаётся под ногами – звука нет. Почему я снова в ночном кошмаре?

Регалии воспаряют над алтарём. Впрочем, не исключено, что невидимый алтарь тоже воспаряет, кто его знает. Я смотрю, как регалии начинают кружиться, постепенно набирают скорость и в какой-то момент ускоряются настолько, что глаза за ними не успевают. Я теряю их из вида.

На глаза будто легла чёрная давящая повязка, я больше ничего не вижу.

Волшебный свет возвращается одномоментно. Стены расцветают знакомым орнаментом, и взгляду открывается пустой алтарь. Регалии исчезли. Судя по выражению лиц, произошедшим ошеломлены все и больше всех Бетти. Результат получился явно не тот, который она ожидала.

Свечение появляется у головы графа и материализуется короной на его голове.

– Нет... – выдыхает Бетти. – Нет!

В правой руке графа появляется жезл, в левой – кинжал. Бетти мотает головой.

Граф, помедлив, принимает судьбу – скрещивает жезл и кинжал, касается перекрестьем короны и опускает ритуальные предметы на алтарь. На алтаре возникает наполненная чем-то белым чаша, и граф поднимает её обеими руками.

Не просто поднимает. Он оглядывается на меня и, не вы-

пуская чашу, делает шаг навстречу. Я отчётливо осознаю, что свадьбе быть. И что развод мне точно не светит.

Глава 7

– Даниэлла, – обращается ко мне граф по имени, – согласны ли вы стать моей супругой, разделить со мной судьбу и силу?

Он предлагает мне магию или я напрасно фантазирую? Что мне отвечать?

Зачем мне брак с мужчиной, которого я вижу не дольше часа? Все свои решения я строила на идее, что брак будет временный, «понарошку», что я освоюсь и начну строить свою собственную судьбу, с графом же расстанусь к взаимной выгоде и взаимному удовольствию.

Я ошиблась. Брак будет настоящий.

Прямо сейчас я ещё могу передумать, пойти на попятный, могу отказать! Но... глядя в глаза его сиятельства, я понимаю, что... его взгляд затягивает, манит.

– Я согласна, – и, запнувшись, добавляю, – Гарет. На его губах появляется и исчезает быстрая улыбка.

Он смотрит на меня с таким теплом, что в плаще мне становится нестерпимо жарко, и я веду плечами, избавляюсь от тяжёлого меха, позволяю плащу упасть за моей спиной на пол.

– За вас, Даниэлла, – граф салютует мне чашей.

Молочно-белый свет приобретает серебристый подтон. Гарет подносит чашу к губам и делает большой глоток. Ко-

гда он опускает чашу, мне кажется, что меньше в ней не стало, да и вообще, если приглядеться, плещущаяся в артефакте белизна на напиток не похожа, на жидкий свет – да.

Я принимаю чашу обеими руками, тоже салютую:

– За вас, Гарет, – и делаю глоток.

На языке расцветает вкус ванили. По ощущениям очень похоже на то, как чувствуется холодный зимний воздух, когда выходишь на улицу из тепла. Я улавливаю нотки сладости, и на контрасте с ними расцветает яркая перчинка.

Увлёкшись ощущениями, я упускаю момент, когда свет из чаши пропадает, а саму чашу забирает и отставляет на алтарь граф.

– Отныне мы супруги, – он вновь поворачивается ко мне и протягивает скрытую перчаткой ладонь.

Я протягиваю руку в ответ. В голову приходит, что сейчас самое время обменяться кольцами. Откуда я это взяла? Никаких колец нет.

Граф сгибается в поясе и одновременно приподнимает мою руку. Склонившись, он запечатлевает на тыльной стороне моей ладони сухой поцелуй – быстро и мягко касается кожи губами, отчего становится щекотно.

– Вы...

– Даниэлла, – улыбается он.

Несмотря на то, что он выпрямился, ощущение щекотки не проходит. Я бросаю взгляд вниз.

– Что это?! – вырывается у меня, хотя по идее я должна

это знать, как и многое другое.

– Брачная печать.

Больше похоже на татуировку. На тыльной стороне ладони появилось контурное изображение крупного цветка. Надо ли говорить, что контур ярко-голубой, а цветок точная копия тех, что я видела на стенах туннеля?

Получается, теперь любой увидит, что я замужем? Хм...

А что будет, если прикрыть татуировку рукавом? Словно подслушав мои мысли, изображение цветка оживает. От неожиданности я вскрикиваю. Мне не больно, но очень щекотно. Цветок же делая характерные взмахи листками, словно плывёт под кожей, и быстро поднимается выше к локтю.

– Куда она?

– Печать появляется и исчезает, как вам удобно, Даниэлла. Вы...?

– Мне предстоит многое узнать, – оправдываюсь я.

Наверное, я расскажу Гарету правду про своё беспамятство, но не здесь, в храме при лишнях ушах, а позже, когда мы останемся наедине. Открывать свою уязвимость... опасно. Но и молчать глупо.

Гарет кивает.

Он вдруг стягивает перчатку и показывает, что на его руке тоже расцвёл цветок. Под тканью татуировка не видна...

Я улыбаюсь.

Граф возвращает перчатку на руку и жестом приглашает меня к алтарю, где ждёт меньшая из пары корон. Вторая сей-

час венчает голову графа.

Бережно подняв корону, он протягивает её мне. Я скорее не вспоминаю, что нужно сделать, а догадываюсь. Мой реверанс, вероятно, самый уродливый реверанс в мире.

Муж возлагает корону на мою голову и помогает выпрямиться, а затем подаёт жезл, и я принимаю символ... Только сейчас до меня доходит, что регалии подозрительно похожи на королевские. Вроде бы графские короны тоже существуют, но... жезлы?

– Коснитесь навершием короны, – подсказывает Гарет.

Родовая церемония совсем не зрелищная, если забыть про световые спецэффекты, но производит на меня очень глубокое впечатление. Опуская регалии в тайник под столешницу алтаря, я действительно начинаю ощущать себя частью новой семьи, супругой главы рода.

Чувства, полагаю, наведённые?

– Поздравляю! – к нам бросаются близняшки.

– Даниэлла, вы ведь позволите обращаться к вам по имени? Мы теперь семья.

– Кто бы мог подумать, что регалии вас примут!

– Это что-то особенное? – вклиниваюсь я. Близняшки щебечут вроде бы со мной, я участница беседы, но при этом они настолько гармонично подхватывают реплики одна у другой, что мне не остаётся места.

– Бывало, что регалии не принимали невест. Наш предок Ирвин Верный был первым, кто пошёл против традиции и,

когда регалии отвергли его избранницу, сочетался с ней браком в столичном храме.

– Традиционный ритуал не проводился больше века. Даниэлла.

– Быть принятой для меня честь, – отчасти это те слова, которые от меня ждут, отчасти я говорю правду.

– Пфф! Регалии слишком долго спали. Кто же знал, что они примут любую? Вероятно, регалии угасают, раз они не отторгли бессильную.

Конечно же Бетти высказалась.

Даже проиграв, она продолжает плевать ядом. Выглядит откровенно жалко.

– Где ваше благородное достоинство, леди? – морщусь я.

Бетти хватает ртом воздух будто я её ударила. Она оглядывается, видит, что даже близняшки, к которым она не цеплялась, с которыми вела себя как сестра, а не мегера, смотрят на неё... гадливо.

Она словно опру теряет. Усмехается, но уже не злорадно, а потерянно. Но ей хватает сил гордо поднять голову и уйти в одиночестве.

– Надеюсь, вы не подведёте, графиня, и условие договора будет выполнено, и лечение Гебби будет оплачено.

Гебби?

Не зря девочка показалась мне очень бледной. Я сравнила её с луной, а луна не светит, луна лишь отражает солнечный свет. Откуда я взяла, что луна не светит? То, что я потеряла

память – одно. Какие обрывки всплывают – другое. Очевидно, что я получила хорошее образование. У меня есть знания в самых разных областях, начиная от знаний традиция разных народов и заканчивая астрономией. Но почему я ничего не знаю об этикете и хороших манерах. Точнее... кое-что я знаю, но этого недостаточно.

Может... я действительно не Даниэлла? А кто?

– Даниэлла? – окликает меня Гарет. – Я сожалею, что Бетти доставляет вам неприятности.

– Прежде всего она доставляет их себе.

– Вы слишком великодушны.

Едва ли я великодушна... Я игнорирую Бетти по единственной причине. Погрузившись в склоки, я встану на один уровень с ней. Я не хочу показать себя скандальной пустышкой, и признания мало. Я хочу говорить с позиции реальной силы.

– Я постараюсь убедить батюшку позаботиться о приданом в первую очередь, – как бы вежлив и предупредителен граф ни был, не стоит забывать, что наш брак всего лишь денежная сделка. – Я напишу...

– Не стоит спешить, Даниэлла. Я намерен соблюсти традицию.

– Хм? Что вы имеете в виду, Гарет?

Как же плохо не ориентироваться в вещах, которые понятны всем, кроме меня.

– Завтра я буду сопровождать вас в отчий дом.

– Ах, вот как? Это не будет проблемой? Вы упоминали, что переходы в столицу ограничены.

– Не беспокойтесь, Даниэлла. Я не смог дать вам праздник, на который вы имели право. Но хотя бы визит я вам обеспечу.

– Благодарю, Гарет. Я... тронута. Чувствую.

Граф не для меня старается. Он воспользуется традицией, чтобы встретиться с Медведем лично и поднять вопрос о приданом. Хороший ход.

Правда, не знаю, что у графа получится. Уверена, что прямо сейчас рыжуха доказывает батюшке, что раз брак уже состоялся, то платить не нужно. Но я ведь не знаю, какую выгоду хочет получить Медведь. Только один факт родства с опальным графом или нечто большее? Буду разбираться. Но, разумеется, не сейчас.

Улыбнувшись, Гарет поднимает с пола плащ, но не подаёт мне, а перекидывает через локоть.

В зале тепло, и плащ лишний. Близняшки – я только сейчас замечаю – тоже разделись. А вот Бетти ушла, подметая пол мехом.

Гарет подаёт мне руку:

– Даниэлла?

– Что изменилось? – вопрос, который я не могу не задать. – Вы намеревались провести полный ритуал, но использовать спящие регалии, но получилось иначе. Какая разница?

– Простите, Даниэлла.

– Простить? – о чём он.

– Регалии хранились в храме веками, их не использовали ни мой отец, ни мой дед, ни мой прадед. Сохранились записи, но из-за размытых многословных формулировок их довольно трудно понять.

Серьёзно? Я должна поверить, что у графа нет ответа?

Мой новообретённый муж лжёт? Хотя... Если брачный ритуал в родовых традициях был забыт на несколько веков, то нечего удивляться, что точные сведения о нём потеряны.

Гарет подхватывает меня под руку и настойчиво тянет к выходу. Я не сопротивляюсь и следом за ним приседаю на корточки, пробираюсь в туннель, круто уходящий вверх. Подняв голову, я не вижу Бетти. Она так быстро поднялась?

Близняшки выбираются из зала следом, и Гарет говорит им ждать, но я предлагаю ему сперва проводить девушек – меня по-прежнему влекут светящиеся голубым светом изображения, особенно одно, над входом. Решившись, я протягиваю руку и подушечкой указательного пальца касаюсь контура. Делаю я это демонстративно на глазах у графа и близняшек. Они же остановят меня, если это опасно, верно?

– Кто бы мог подумать, что вас интересуют ритуальные сюжеты?

– Сама не ожидала.

Возможно, я найду что-то поинтереснее.

Изображения действительно важны или я пытаюсь запол-

нить пустоту?

Гарет уводит Мими, я остаюсь с Гебби наедине, но де-вушка отворачивается. То ли из вежливости, чтобы не мешать мне рассматривать картинки, то ли стесняется болезни, то ли по характеру нелюдимая. Столько вариантов приходит на ум...

На стене, над квадратным проёмом-лазом у самого пола светится изображение крылатой особы, сидящей в кресле. В её руке распустившийся цветок. Повторяющееся изображение, ничего нового, разве что благодаря размеру оно более детальное. Обозначена каждая складочка на платье, каждая жилка на лепестках. Лицо же остаётся пустым пятном.

Смотрится жутковато.

Я до конца не понимаю, почему продолжаю смотреть, выискивая незамеченные нюансы, и моё упорство вознаграждается.

Цветок оживает, медленно складывает лепестки. Кажется, что бутон закрывается. Линии продолжают меняться, и цветок вытягивается, изгибается, превращается в... самый обычный ключ с ажурной головкой и зубчатой бородкой. Фигура на стене делает плавное движение пальцами, и ключ проворачивается.

Раздаются шаги – граф возвращается.

Ключ обратно становится цветком, и к приходу Гарета лепестки раскрываются, изображение вновь неподвижно.

Я понимаю, что Гебби, которая предпочла смотреть в дру-

гую сторону, ничего не видела. Она неуклюже шагает навстречу брату, и вдруг начинает заваливаться на стенку. Мы с Гаретом одновременно придерживаем девочку, он – спереди, я – со спины.

– Голова закружилась, – объясняет она шёпотом и обморочно повисает на брате.

Не время спрашивать, чем она больна, как и не время выяснять, ключом от какого замка служит моя брачная печать.

Глава 8

– Ты не принимала лекарство? – строго спрашивает Гарет.

Гебби закрывает глаза. Кажется, у неё совсем нет сил даже дышать. Я искренне пугаюсь, что сейчас произойдёт непоправимое. К счастью, Гебби открывает глаза. Гарет продолжает её удерживать. Девочка несколько раз моргает, сознание к ней возвращается, она пытается выпрямиться, но Гарет её не отпускает, продолжает поддерживать.

Её взгляд становится виноватым:

– Я стараюсь растягивать, травы заканчиваются. Прости. Хм...

Всё совсем печально.

– Гебби... Завтра мы с Даниэллой будем в столице, и я привезу из аптеки твой сбор, хорошо?

– Я приму лекарство, Гарет, – обещает она, но я почему-то не верю.

А ещё я задаюсь вопросом, почему травы не были закуплены в достаточном количестве изначально. Возможно, у сбора ограниченный срок хранения, и делать большой запас нельзя, так как травы всё равно потеряют целебные свойства. Но у Гарета точно есть несколько переходов в столицу. Почему он заранее не позаботился?

Снова графу предстоит нести на руках...

Стараясь ступать осторожно, я начинаю подниматься сле-

дом. Пусть Гарет говорил, что проводит каждую из нас, видя состояние Гебби, я понимаю, что возвращение в Дом лучше не затягивать.

В тунеле не хватает поручней, но... раз их не установили, значит, в храме им не место. В чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Откуда эта мысль? Она тоже кажется чужеродной, чьей-то чужой, не не моей.

Я шагаю не торопясь, выверяю каждый шаг и безнадёжно отстаю, но даже не думаю ускориться. Наоборот, я уделяю внимание изображениям на стенах, но если раньше я просто рассматривала их, то теперь я пытаюсь найти подсказку – я хочу знать, ключ от какого замка я получила.

Вдруг мне достался сундучок с сокровищем? Увы, подсказки если и есть, то они не очевидны.

Преодолев около половины подъёма, я останавливаюсь с одышкой. Что-то я переоценила свои силы – вроде бы ползла медленно, а пульс частит и в ушах шумит. Спасибо, что в глазах пока не темнеет. Я хорошо понимаю, почему Гарет торопился с ритуалом, но почему я решила, что я в полном порядке?

Отдышавшись, я преодолеваю ещё десяток шагов, снова останавливаюсь. Если внизу в какой-то момент стало тепло, то сверху тянет холодом, а плащ унёс Гарет.

Придётся ждать.

Я замечаю, что изображения постепенно выцветают, ма-

гия гаснет. Теперь свет идёт только от входа.

– Даниэлла? Зачем вы без меня...? – Гарет, начав спускаться, обнаруживает меня отнюдь не там, где оставлял.

– Всё в порядке, – отмахиваюсь я. – Мне было интересно. Гарет разворачивает меховой плащ и опускает мне на плечи, сам щёлкает застёжкой. Его плащ мне слегка великоват, в полах легко запутаться, и я опираюсь на руку... мужа. Законный муж, в голове не укладывается.

Меня поселят его покои? Мне придётся провести с ним ночь в одной кровати, под одним одеялом? А если брачный ритуал предполагает обязательную консумацию брака? А если не предполагает, но граф всё равно захочет близости? Имеет право. Или нет? Я аж спотыкаюсь от противоречия.

Внешне Гарет с его голубыми глазами и тёмными волосами привлекательный, его манеры, его поведение мне нравятся. Но я не готова к большему! Мне начинать паниковать?

– Что-то не так, Даниэлла?

– Я устала, – говорю я чистую правду.

– Комната должна быть уже готова, – заверяет Гарет.

– Специально для меня? – улыбаюсь я.

– Разумеется, Даниэлла. В вашем распоряжении Персиковая Опочивальня, смежная с моей. Личная комната – это прекрасно.

– Спасибо.

– Даниэлла, вам не нужно благодарить. Опочивальня ваша по праву.

На языке крутится вопрос про первую брачную ночь, но острое смущение буквально лишает дара речи, и я убеждаю себя ни о чём не спрашивать. Какая разница? Захочет граф настоять и применить силу или нет, от меня не зависит.

Проще притвориться больной, не так ли?

Гарет отпускает мою руку, когда мы выбираемся на поверхность. Он отвлекается, чтобы задвинуть плиту. Я делаю шаг в сторону, хватаю морозный воздух. Мими и Гебби здесь, Бетти уже ушла. Бросила сестёр? Моё впечатление от старшей из сестёр всё хуже.

– Как вы, леди? – спрашиваю я Гебби.

– Скоро мне будет лучше, – улыбается девушка, однако Мими, судя по выражению её лица, оптимизма не разделяет.

К нам подходит Гарет. Очевидно, что двоих тащить он не сможет. Да и зачем? Я достаточно твёрдо стою на ногах. По крайней мере мне так кажется.

Путь обратно я запоминаю плохо.

Снег, развалины, узкий проход мимо стены Дома и холод – всё, что оседает в памяти.

Само собой получается, что вчетвером мы – Гарет, близняшки и я – не поднимаемся на жилой этаж, не расходимся по комнатам, а все вместе идём на кухню, где в очаге трещит ржаво-рыжее пламя, где притяно тепло и пахнет травами. Тётушка Хлоя, напевая под нос, что-то растирает в ступке толстым пестиком. Будто ведьма заговор читает.

Почему я на неё взъелась? Тётушка не сделала мне ничего

плохого, наоборот.

Я ей признательна, что не мешает мне смотреть на неё с большим подозрением. Она замолкает, откладывает ступку и низко кланяется:

– Граф, графиня.

Хм, она первая приветствует меня по титулу.

– Тётушка, Гебби не приняла лекарство, – Гарет помогает Гебби устроиться за столом и забирает у неё тяжёлый плащ..

– Ой, лишенько! Да как же так! Леди, вы уж потерпите, я мигом. Ой, леди...

Каким-то образом Бетти умудрилась прийти бесшумно, и лишь на последних шагах она звонко цокает подковками по каменным плитам пола:

– Кто бы сомневался, что простолюдинка пожелает обедать не в гостиной, а на кухне. Дорогой брат, вам пришло письмо от вашего тестя.

– Так быстро? – удивляется Гарет.

Бетти кладёт на стол запечатанный конверт.

– Неужели я была права, и господин мошенник спешит уведомить, что денег не будет и брак следует отменить? Ха...

То, с какой лёгкостью Бетти придумала благовидный предлог, чтобы оправдать заведомый обман с деньгами, меня неприятно удивляет. Вряд ли она устраивала мозговой штурм ради обидного упрёка. Скорее всего идея пришла к ней легко. Если вспомнить, как Бетти провоцировала брата, чтобы добиться от него признания в негодности на роль гла-

вы рода и забрать титул, то очень хочется спросить, а кто тут настоящий мошенник. Медведь, которого пока что упрекнуть не в чем, или сама Бетти? Её хитровывернутости на десятерых хватит. А вот аристократического благородства в ней не больше, чем у рыжухи – вообще нет.

Её выпад остаётся без ответа.

Покосившись на неё, Гарет не утруждает себя участием в очередной перепалке, он молча поднимает конверт. Я с любопытством смотрю на кляксу сургуча. Конверт выглядит невскрытым, но кто знает, какие у Бетти ещё таланты.

Кажется, Гарет думает в том же направлении. Он медленно проводит подушечкой пальца ко конверту. Выглядит его движение как жест задумчивости, а на самом деле Гарет, вероятно, проверяет конверт на ощупь.

Под его пальцами сургуч ломается. Гарет вынимает белый лист бумаги, пробегает текст письма взглядом.

– Вы ошиблись, сестра. Господин Пегкер надеется соблюсти традицию и сообщает, что откроет переход со своей стороны завтра в полдень. Он пишет, что объяснит причины спешки и обещает обсудить вопрос с приданным.

– Обсудить вопрос и передать деньги несколько разное. Вы не находите, брат?

– Я нахожу, что ваши подозрения грубы. Вы совершаете ошибку за ошибкой, но продолжаете. Бетти...

– Удачи, брат. Я надеюсь, вы сдержите обещание и вернётесь не с пустыми руками, а с лекарством для Гебби.

Бьёт по больному.

Так и не найдя ни поддержки, ни одобрения, Бетти покидает кухню, и без неё словно легче дышать. Провожая её взглядом, я задаюсь вопросом – почему бы Бетти не пойти... замуж? На правах старшей в семейной иерархии я могла бы устроить ей помолвку. Только будущего жениха жалко.

Я не всерьёз. Какой брак на фоне нищеты и императорской опалы? Был бы характер приятным... На Бетти женится разве что какой-нибудь вдовец из неблагородных. Словом, глупости. Но они помогают мне отвлечься, развлекают.

Тётушка подаёт на стол обед – ставит пышущий жаром котелок.

Близняшки уныло переглядываются. Кажется, они надеялись, что в честь свадьбы обед будет праздничным, но тётушка подала единственное блюдо. Вероятно, она уже какое-то время готовит одно и то же.

Она расставляет тарелки, подаёт ложки и черпаком принимается разливать содержимое котелка.

– Графиня, вы уж не обессудьте. Рыбный супчик, иного нет.

– Вы ловите рыбу? – удивляюсь я.

– Ловлю, графиня. Без рыбы совсем худо было бы. Повезло, что в проливе она непуганая, едва ли не руками брать можно.

На ум приходит обрывок легенды, как люди ловили карпов голыми руками, пока царь драконов не запретил им, и

тогда люди стали ловить рыбу сетями...

Тётушка наливает в глубокую суповую миску разваристую гущу. Кусочки рыбного мяса перемешаны с кусочками незнакомого овоща. Внешне похоже на картофель, но это явно не он. Зато я узнаю луковицу и морковные кубики.

– Очень вкусно, – заверяю я, попробовав. Суп действительно неплохо.

Только сейчас я понимаю, насколько голодна. Возможно, отчасти моё плохое самочувствие из-за голода? На меня накатывает усталость, аппетита нет. Мне бы лечь под тёплое одеяло и забыться сном. Вот бы проснуться с воспоминаниями о вчерашнем дне, о позавчерашнем, о всей моей жизни. Я зачёрпываю ложкой суп.

Пока я ем, можно не участвовать в общем разговоре. Пересмеиваются близняшки, причём активна Мими, а Гебби поддакивает.

Гарет в основном отмалчивается и поглядывает на меня. Несколько раз мы даже встречаемся взглядами, и я чувствую, как краснею от смущения. Ну или я просто заболела, и у меня жар.

Я доедаю порцию, благодарю тётушку.

– Вы устали, Даниэлла? Я провожу вас, – Гарет помогает мне встать и накидывает на плечи плащ, потому что тепло только на кухне от очага, в доме холод.

Мы поднимаемся на второй этаж.

В какой коридор мы сворачиваем, я не запоминаю, но не

думаю, что это важно. Дом небольшой, сориентируюсь. Я почти что засыпаю на ходу и едва успеваю прикрыть ладонью рот, когда широко зеваю.

– Простите, – извиняюсь я.

– Мы пришли, Даниэлла, – Гарет кивком указывает на дверь. – Опочивальня графа. Следующая дверь ведёт в Опочивальню графини.

Он открывает дверь, пропускает меня вперёд и заходит следом. Как законный муж он... в своём праве. Но Гарет ничего не делает, не намекает на консумацию. Он всего лишь показывает комнату. Точнее, анфиладу комнат. Гостиная перетекает в рабочий кабинет, из него мы попадаем в небольшой будуар, а из будуара – в спальню, где для меня уже подготовлена кровать.

Для меня или для нас?

– Я...

– Вы устали, Даниэлла, и нуждаетесь в отдыхе. Разумеется, – он с улыбкой склоняется в полупоклоне, целует мне руку и скрывается в своей спальне, пройдя через смежную дверь.

Створка хоть запирается? Сил нет.

Как я снимаю плащ, как оказываюсь в кровати я не помню, зато очень остро ощущаю, как проваливаюсь то ли в сон, то ли в забытьё. Впечатления дня выцветают, и прежде, чем сознание окончательно уходит, я успеваю испугаться, что очнусь с пустой головой. Вдруг, когда я проснусь, воспомина-

ний не останется?

Сквозь сон я слышу тихие шаги. Кто-то крадётся к кровати? Может, Гарет? Но его походка твёрже.

Вряд ли кто-то из близняшек. Ведьма или Бетти?

Глава 9

Шаги доносятся сзади. Я лежу на боку. Если приоткрою глаза, то я ведь не выдам, что уже проснулась? Звук приглушённый, и у меня складывается впечатление, что за спиной кто-то бродит. Кем бы ни был незванный гость, подходить к постели он не торопится.

Я приоткрываю глаза. Я слеpla?!

Мало мне проблем с памятью... С памятью, кстати, всё в порядке. В смысле, я помню вчерашний день, помню как очнулась от вылитой на меня ледяной воды, как, пройдя через зеркало, оказалась на побережье, как меня нашёл Гарет, как мы поженились. Ничего, что было до обморока, я не помню.

Проморгавшись, я понимаю, что зря я испугалась за глаза – просто в комнате очень темно. На язык просится «непривычно темно», но, когда я пытаюсь вспомнить хоть что-то про привычки, висок простреливает болью.

За спиной шаги. Кто бы там ни бродил, угрозы я не чувствую.

– Кто здесь? – я приподнимаюсь на локте, оборачиваюсь. В темноте я вижу только силуэт.

Резкое движение, словно гость не ожидал услышать мой голос и сейчас обернулся. Я всё ещё не могу рассмотреть визитёра. Я даже не могу понять, он это или она. Почему-то мне кажется, что это не Бетти. Она бы... не испугалась окли-

ка?

Одеяло тяжёлое, и я выпутываюсь не сразу, фигура успевает попятиться и выскользнуть в будуар. Гнаться бессмысленно – я рискую напороться на угол мебели, но я, выставив руку, прохожу туда, где должен быть дверной проём. Створки, похоже, распахнуты...

Впереди вспыхивает голубое сияние. Призрачный свет очень тусклый, но его хватает, чтобы я успела понять, что ошиблась – я остановилась не перед будуаром, а уже проскочила его и стою в проёме, ведущим из будуара в кабинет. В глаза бросается рабочий стол, что-то округлое на нём, и свет гаснет, я оказываюсь в крошечном мраке.

На плечи наваливается холод – под одеялом я лежала в свадебном платье, без плаща. Шагов я больше не слышу.

– Хей? – я чуть повышаю голос, прислушиваюсь. И снова шаги.

– Звали, графиня? – в гостиной появляется золотая искорка. Её хватает, чтобы подсветить кончик лучины и лицо тётушки Хлои.

Мне зябко. Я обхватываю себя руками. В подсвеченном снизу лице служанки, выступающей из мрака, есть что-то жутковатое. Я с некоторым усилием удерживаю себя на месте – хочется сбежать и позвать на помощь, но это глупо. Если бы тётушка собиралась мне навредить, она бы навредила.

– Тётушка... Что ты делала сейчас в моей комнате?

По времени складывается идеально – она вышла в кори-

дор и сразу же откликнулась. Иначе как она вообще оказалась в коридоре? Не сидела же она под дверью. За окном глухая ночь, в это время люди спят.

– Графиня, я вошла, потому что мне слышалось, что вы зовёте...

Странно. Если бы она хотела скрыть, что была у меня, то зачем выдала себя? Если скрыть не хотела, то зачем этот манёвр с коридором?

– Нет, тётушка. Я проснулась и слышала, как ты ходишь рядом.

– Помилуйте, графиня. Я бы не осмелилась вас тревожить! Чай, сон приснился? Я способна отличить сон от яви.

Неужели мне померещилось?

Продолжать настаивать, подозреваю, бесполезно. Тётушка будет стоять на своём. К тому же я не могу с абсолютной уверенностью утверждать, что за спиной бродила именно она, я же не видела.

– Тогда почему ты не спишь? Что ты делала в коридоре?

– Рассвет близится, я шла растапливать печь. Милостью графа мне позволено жить в хозяйском крыле, леди.

Звучит логично.

– Вот как...

– Графиня, замёрзнете же, – вздыхает служанка и впрямь как заботливая тётушка, только в отсветах лучины её взгляд мне снова кажется тяжёлым, колдовским.

– Должно быть, мне померещилось со сна, – я лгу. В том,

что кто-то бродил по спальне, я уверена. – Тётушка, скажи, как рано обычно встёт граф?

– Не рано, графиня. Вы уж не мёрзнете, отдыхайте. Хотите, я вам горячего отвара принесу?

– Хочу.

Вряд ли я смогу уснуть. Сколько я уже проспала? Забылась я задолго до заката, а сейчас, если верить тётушке, уже близится рассвет.

Она кланяется и выходит, уносит искорку горячей лучины с собой.

Какое-то время я прислушиваюсь к воцарившейся тишине. Если по комнате бродила не тётушка Хлоя, то кто?

Холодно...

Я на ощупь пробираюсь в спальню. Широкая кровать занимает центральное место у дальней стены. По пути я всё-таки сбиваю то ли пуфик, то ли стул. Я дотягиваюсь до края кровати и поспешно забираюсь под одеяло.

Получается, что Дом не отапливают?

В смежную дверь раздаются два негромких удара. Я легко могу представить, как граф стучит костяшками пальцев.

– Даниэлла, всё в порядке? – раздаётся его голос. – Я слышал шум.

– Доброе утро, – откликаюсь я. – Я неловко встала и что-то уронила. Я вас разбудила, Гарет? Прошу прощение.

– Нет, я уже не спал. Не беспокойтесь. Врёт?

Магическое сияние бледно-голубого света превращает

крошечную тьму в густой сумрак, в котором я могу разобраться, что смежная дверь открыта, и в проёме возвышается Гарет. Может, я слышала его шаги? Я ведь лежала на боку спиной к смежной двери, и звук исходил от неё. Но зачем тогда Гарет прятался в коридоре?

Я отмечаю, что Гарет затянут в мундир. Либо он не спал, либо оделся меньше, чем за минуту, либо спал в одежде.

Раз уж он здесь...

– Кажется, я должна вам кое в чём признаться, Гарет.

Чем быстрее я расскажу про своё беспамятство, тем лучше. Я чувствую собственную уязвимость, и пульс начинает частить. Мне неловко признаваться в чём-то настолько личном. Но иначе нельзя.

А что если рыжуха причастна к моему беспамятству? Со-мнительно, но исключать эту версию нельзя.

– Даниэлла? – Гарет останавливается.

– Я... – надеюсь, посторонних ушей в спальне нет. – Признаться, я не хотела выходить замуж.

До сих пор я не задумывалась, что произошло в комнате, где я очнулась от порции ледяной воды в лицо. Возможно, именно в первых воспоминаниях есть ключ к разгадке, что со мной произошло, но...

Слишком много вопросов. Если думать обо всём, о чём нужно, мозги вскипят.

Я запинаясь, подбирая слова, а муж, кажется, очень по-своему интерпретирует мою запинку.

Он отступает на шаг и в доверительном жесте поднимает руки. Гарет в перчатках. Не снимал не только мундир, но их?

– Даниэлла, пожалуйста, не беспокойтесь. Я понимаю, что вы не готовы к... супружеской близости, и не стану вас принуждать, сколько бы времени вам ни понадобилось.

Его обещание...

Звучит великодушно, но, не исключено, что кроме заботы обо мне за обещанием скрывается расчёт. Положение семьи бедственное. Тут бы насмерть не замёрзнуть или с голоду не помереть, а не о наследниках думать.

– Я не помню, что произошло утром. Я очнулась на полу в окружении людей, которых я не узнавала. Все вокруг называли меня Даниэлкой и были уверены, что мой обморок как-то связан с моим нежеланием стать вашей супругой. Я не помню ничего, что было до обморока.

Нас прерывает тётушка Хлоя. Её голос раздаётся из гостиной:

– Графиня? Ваш отвар.

– Тётушка, – зовёт Гарет и, не дожидаясь, когда она придёт, выходит ей навстречу.

Он возвращается без неё, зато с подносом. Гарет перехватил тётушку в гостиной? Я старалась говорить негромко, вряд ли она могла слышать моё признание из гостиной через кабинет и будуар.

Я выбираюсь из под одеяла, чтобы забрать отвар, и холод тотчас напоминает о себе.

Гарет ставит поднос на ближайшую тумбочку, подбирает с пола меховой плащ и набрасывает мне на плечи. Я невольно улыбаюсь заботе. Мы встречаемся взглядами, и Гарет отдёргивает руку. Он подаёт мне отвар и отсаживается на пуфик.

Я делаю глоток и продолжаю:

– То, что господин Пегкер мой отец, я поняла из разговора слуг. Его имя я слышала от вас. Своё имя, Даниэлла, я... не ощущаю своим. Его я тоже не помню, слышала от слуг.

В чём я точно не собираюсь признаваться, так это в том, что у меня в голове всплывают очень странные картины, не имеющие никакой связи с окружающей действительностью. Те же электрические обогреватели...

– Даниэлла?

– Да?

Я прячусь за чашкой.

– Вы сказали, что ничего не помните, а потом вы сказали, что до обморока не хотели становиться моей женой?

– Так считали окружающие. Я не помню. Я подозреваю... что могла с собой что-то сделать. Тяжёлая страшная догадка.

Ещё тяжелее решиться поделить ею с Гаретом.

– Я сожалею, что стал причиной ваших страданий, Даниэлла. Ну вот, он понял меня неправильно.

– Совсем нет, Гарет. Говоря откровенно, дома ко мне не были добры. Господин Пегкер, зная вашу ситуацию, не позволил мне даже сменного белья с собой взять, зато позволил поднять на меня руку. Не знаю, о чём я думала раньше. Воз-

можно, верила страшилкам, которые ходят о северном графстве. Слуги в доме им точно верили. Сейчас я вижу разницу и понимаю, что мне повезло стать вашей женой.

– Я постараюсь оправдать ваше доверие, Даниэлла. Получается, визит в родительский дом для вас... Простите, я с трудом представляю, каково это, остаться без воспоминаний.

Между нами повисает неловкость.

Я отчётливо вижу, что Гарет не знает, как реагировать.

А ещё он наверняка подумал, что мне потребуется консультация врача, а это... деньги, которых нет.

– Мне безразличен визит, – заверяю я. – Полагаю, посетить господина Пегкера будет полезно?

– Даниэлла, – в его голосе появляются нотки вины, – я рассчитываю на приданое, которое обещал господин Пегкер. Мне нужна эта встреча.

– Я пойду с вами и постараюсь повлиять на господина Пегкера, но... Ему не нужно знать, что я потеряла память, хорошо? Он использует факт против вас. И, если не секрет... какой у господина Пегкера интерес выдать меня за вас, Гарет?

У меня ребус не складывается. Какой смысл создавать связь двух родов через брак и тут же рвать отношения через обман с приданным?

– Насколько я понял, господин Пегкер намерен воспользоваться привилегиями, которыми я, как аристократ, обладаю по закону.

Обман с приданным не стыкуется с намерением сотрудничать.

– Вот как?

Гарет пожимает плечами.

Не знаю, сколько мы сидим друг напротив друга. Я замечаю, что призрачный голубой свет погас, но в спальне больше не темно – за окном занялся рассвет.

Молчание затягивается, и Гарет поднимается:

– Даниэлла, ещё очень рано, а завтра будет непростой день. Почему бы вам не отдохнуть?

– Да... Какой отдых?

Я дожидаюсь, когда Гарет выйдет и закроет за собой дверь, выжидаю с минуту и поднимаюсь. Уже достаточно рассвело, чтобы ориентироваться в пространстве.

Шаги, которые меня разбудили, оборвались в кабинете, и в кабинете я видела сияние, поэтому, войдя и бегло осмотревшись, я совершенно не удивляюсь при виде ждущего меня на пустой столешнице угольно-чёрного конверта. Незванный визитёр не пожелал мне представиться, но оставил сообщение. Демонов любитель эпистолярного жанра.

Безопасно ли открыть конверт?

Глава 10

Обойдя стол, я сажусь на стул с высокой резной спинкой, провожу пальцем по подлокотнику и чувствую, как рука пачкается в пыли. Стряхнув грязь ладонь о ладонь, я не рискую опереться на столешницу локтями.

Конверт...

Пропитывать бумагу ядом слишком сложный ход. Проще было бы удавить меня подушкой, поэтому письмо я беру безбоязненно, но открывать не спешу. На конверте не сказано, кто получатель. Точнее... на чёрной бумаге огнём горят символы. Что-то вроде рун или иероглифов, и один значок я узнаю – я видела его на регалиях. Это знак рода. Должна я отдать конверт Гарету или вскрыть сама на правах графини?

Его подбросили в мой кабинет, а не в кабинет Гарета. Ведьма подбросила? В смысле, тётушка Хлоя? Кто-то из сестёр? Сам Гарет? Додуматься можно до чего угодно.

Есть ли в доме кто-то, с кем я ещё не сталкивалась? Вероятно...

Почему я должна разбираться не со своими проблемами, а с чужими интригами?

Я раздражённо ломаю печать, подцепляю уголок бумаги ногтем ирываю конверт. На ладонь выпадает не письмо. Всего лишь засушенный цветок, тонкий стебель переламывается в моих пальцах. Возможно, я зря убедила себя, что

в конверте нет ничего опасного. Цветок рассыпается. Я сдуваю с ладони порошок.

Что-то, будто мелкая колючка, колет кожу, и на руке проступает... ещё одна татуировка, тоже цветок, очень похожий на тот, которым наградил меня Гарет, но всё же другой. И главное отличие в цвете – он огненный, а не морозно-голубой.

Эй, надеюсь, я сейчас по незнанию не обзавелась вторым мужем?! Меня от такого предположения аж в дрожь бросает.

Нужно посоветоваться с Гаретом. Только вот выпустив искорку, цветок на моей руке поджигает конверт, и чёрная бумага, полыхнув, в считанные мгновения рассыпается пеплом. На пальцах снова остаётся грязь, и я повторно отряхиваю руки. Цветок гаснет...

И что мне теперь сказать Гарету? После истории с потерей памяти он может принять мой рассказ за плод болезненного воображения. Предъявить в качестве доказательства мне больше нечего.

Хм...

Вопрос на миллион – зачем в кабинете ростовое зеркало? Почему шаги прервались именно в кабинете? Как тайный визитёр пересекал гостиную я не слышала...

Самой разбираться глупо.

Я возвращаюсь в спальню, подхожу к двери, отделяющей Опочивальню графини от Опочивальни графа.

Да какая разница, что Гарет подумает?! Мне помощь нуж-

на. Я стучусь и окликаю:

– Гарет... вы спите? Я не помешаю? – конечно, я мешаю.

За окном окончательно посветлело. Ещё немного, и взойдёт солнце. Гарет не отвечает.

Видимо, пожелав мне отдыха, он и сам лёг, и сейчас спит. Будить его... неправильно, но я отмахиваюсь от чувства неловкости. Я не буду будить, я только одним глазком загляну, благо дверь открывается без скрипа. Гарет же говорил, что я могу обращаться к нему в любое время дня и ночи, вот я и воспользуюсь приглашением.

Дверь приоткрывается, и я заглядываю в щёлку. Хм?

На постели горой пузырится толстое одеяло, и я подхожу ближе, чтобы обнаружить, что мужа в кровати нет. Он не спит, работает?

Я выжидаю минут пять – вдруг муж в уборной и ему неудобно отвечать? Но нет, Гарет не появляется, в спальне тишина.

– Граф? – окликаю я повторно. Ответа нет.

Я осматриваюсь. Спальня выглядит как зеркальное отражение моей. И как у меня есть выход в будуар, так и у Гарета выход в личную комнату, за которой располагается кабинет.

Мужа нет.

Очевидно – если бы он сидел в кабинете, он бы откликнулся.

В отличие от моего кабинета, у Гарета чисто, ни пылинки. На столешнице лежат писчие принадлежности. Везде иде-

альный порядок. Стол как у меня, стул более массивный, но тоже похож.

Пробежав взглядом по закрытым шкафам, я отмечаю главное – в кабинете Гарета нет зеркала. Хм...

Наверное, нет смысла бегать по Дому в поисках мужа. Не факт, что найду, зато рискую либо потеряться, либо наткнуться на Бетти, общаться с которой мне совершенно не хочется, и я возвращаюсь в свой кабинет.

Меня всё больше интересует зеркало – ему место в будуаре, но зачем-то оно установлено именно в кабинете и рама явно подобрана под мебельный гарнитур. Я убеждаюсь, что резьба на раме совпадает с резьбой, украшающей рабочий стол и стул, а вот в будуаре и спальне мебель выдержана в совершенно ином стиле.

Это не просто зеркало? Переход?

Тогда почему Медведь отправил меня в руины, а не в Дом графа? Допустим, Медведь про второе зеркало не в курсе. Я бы тоже не стала давать доступ в столь личное место, как рабочий кабинет.

Но тогда для чего здесь зеркало? И почему оно в Опочивальне графини, а не графа? Я рассматриваю зеркало. У меня и в мыслях нет его тронуть – мало ли?

Вообще-то странно. Если в кабинете находится артефакт перемещения, то почему граф меня не предупредил? Отложил разговор на время, когда будет показывать мне Дом? Не думал, что я в первую же брачную ночь заинтересуюсь?

Скорее, зеркало никакой не артефакт. Могут быть тысячи причин, почему одна из графинь захотела в кабинет зеркало.

Клянусь, я ничего не делала, оно само.

На руке проступают оба цветка одновременно, голубой и огненный. Их свет падает на стекло, и оно идёт рябью, в которой пропадает моё отражение и появляется переход невесть куда.

Я шарахаюсь назад до того, как осознаю, что делаю. Сознание сливается с телом. Ещё миг назад воспринимавшееся тесным и чужеродным, тело становится будто родное.

Инстинкт самосохранения творит чудеса...

Попятившись, я болезненно упираюсь поясницей в край столешницы и задаюсь единственным вопросом – мне бежать или угрозы нет? На всякий случай я, не сводя глаз с перехода, отступаю к будуару. Я представляю, как при малейших признаках опасности, метнусь в спальню, оттуда – в спальню к графу и побегу искать мужа. Но пока что ничего плохого не происходит. Собственно, вообще ничего не происходит.

Первый испуг сходит, я нервно сглатываю. Эм... А я в порядке? В голове вместо логично выстроенных цепочек снова каша, снова путаница. Вот о чём я думаю? О важном или нет? Какие решения и действия сейчас будут самыми здоровыми?

Вряд ли древнее зеркало в рабочем кабинете ведёт в логово врага. Будь так, оно бы здесь столько веков не висело.

Но это не значит, что я пойду его проверять. Нет-нет. Я подожду Гарета, расскажу, спрошу. При нём открыть переход повторно мне не страшно.

Гарет же должен знать, в чём дело, правильно?

Любопытство побеждает, и я вытягиваю шею. Отступаю в угол, чтобы оставаться от перехода как можно дальше, но при этом заглянуть на ту сторону. Я ведь запомнила, как было в руинах. Точнее, сперва, как было в зале, куда меня проводила рыжуха – сперва зеркало отражало интерьер, а затем показало северный пейзаж. Вот мне и интересно рассмотреть, куда я попаду через зеркало.

Не на природу. По ту сторону слишком сумрачно, чтобы разобрать нюансы, но достаточно света, чтобы опознать стены. Сине-красное свечение набирает силу и резко гаснет, и вместе со свечением пропадает вид на неизвестное помещение, зеркало вновь показывает интерьер моего кабинета.

Фуф.

Кажется, никто не пролез.

Только чему я радуюсь? Если обитатели той стороны могут открывать переход, когда им захочется, тоя им с цветочком-ключом не нужна. Только вот это всё подозрения и догадки, наверняка, откуда пришёл и куда делся незванный визитёр я не знаю.

Остаться в кабинете смысла нет. Я выхожу в коридор, прислушиваюсь к царящей в Доме тишине. Где мне искать Гарета? Проще найти сестёр – полагаю, девушки ещё спят.

Но нет. Уж лучше спущусь в кухню. Заодно позавтракаю.

И попробую присмотреться к тётушке Хлое.

Я успела заметить, что Гарет относится к ней с уважением и теплотой. Близняшки – тоже. Бетти нет, но Бетти сама по себе заносчива и спесива, так что её мнение ценности не представляет. Впрочем, даже она не позволяла себе пренебрежения, и, как бы парадоксально ни звучало, хотя она и смотрела на кухарку сверху вниз, во взгляде чувствовалось если не уважение, то отсутствие пренебрежения.

Получается, в семье тётушку Хлою любят и ценят. Почему у меня к ней острое недоверие? Почему я вижу её ведьмой?

Размышляя, я спускаюсь на первый этаж. Найти кухню легко – коридор за парадной лестницей идущий вглубь дома один, и он-то мне и нужен.

Услышав голоса, я резко останавливаюсь.

– Нет масла-то, ваше сиятельство. Почему Гарет занимается меню завтрака?!

– Но...

– Вы уж простите меня, ваше сиятельство, но ничего нет. Крупа ещё осталась, корешки ещё остались. А больше-то и ничегошеньки. Но я кашу приправлю специями, графине понравится.

Подслушивать обсуждение хозяйственных дел незачем – ничего полезного не узнаю, зато рискую попасться на столь порицаемом занятии.

Кстати, тётушка Хлоя сказала графу, что я вчера подслу-

шивала?

– Что мне понравится? Доброе утро, – пожалуй, кое-что полезное я услышала. Положение семьи ещё хуже, чем я представляла.

– Даниэлла.

– Графиня.

То, что тётушка Хлоя встречает меня поклоном, меня не удивляет, а вот то, что Гарет тоже приветствует меня по всем правилам этикета, неожиданно. Впрочем, я неправа, говоря обо всех правилах, потому что я их не знаю.

– Тётушка Хлоя мастер специй. К сожалению, я не могу предложить вам разнообразия блюд, зато тётушка готовит так, что не стыдно подать на стол императору. Я надеюсь, вам понравится завтрак.

Приправы, говорите? Сушёные травы, неведомые порошки и невесть что ещё? У меня вновь ассоциации с образом старухи-ведьмы из страшной сказки.

Я улыбаюсь:

– Не сомневаюсь. Отвар, который заваривает тётушка Хлоя, бесподобен. Я не заболела. Зелье какое-нибудь? Ещё одна ассоциация...

– Вы голодны, Даниэлла? Тётушка, подай\, пожалуйста, кашу сейчас.

– Подать в Опочивальню графини или в вашу, ваше сиятельство?

Я прищуриваюсь. Мне кажется, или тётушка Хлоя под

благовидным предлогом спроваживает меня из кухни? С одной стороны, недоверие – это прямой путь к нервному расстройству и потери связи с реальностью. С другой стороны, безоглядно доверять означает открыться для удара, а я со своим беспамятством и так уязвима.

– Здесь так тепло. Тётушка, не беспокойся, меня не смущает завтрак на кухне.

– Где же это видано, чтобы графиня на кухне сидела? Ох, лишенько, – тётушка Хлоя скорее жалуется, чем выпроваживает всерьёз.

Она вооружается ухватом и снимает с огня два небольших горшка, вероятно, с кашей. За её спиной я не вижу, чем она подцепляет крышки, зато я вижу, как она их снимает и откладывает в сторону, вижу поднимающийся от каши густой пар. Есть будет горячо, надо подождать. Буду совершенно неаристократично дуть на ложку...

Вместо того, чтобы передать горшки на стол, тётушка достаёт мешочек и, зачерпнув щепотку сухих трав, принимается замешивать их в кашу.

Я готова соврать, что не люблю приправы, но вовремя спохватываюсь. Если я не помню даже собственного имени, свои вкусы я тем более знать не могу. Мне будет трудно объяснить Гарету причины лжи.

Глава 11

У тётушки Хлои была сотня возможностей подсыпать мне что угодно. Хей, я столько раз пила её отвар... О чём я беспокоюсь? Да, у меня есть причина тревожиться – моё беспамятство. Но моя тревога не повод видеть в служанке врага, пока она не дала повода.

– А какие приправы ты используешь, тётушка Хлоя? На севере не слышали про аллергию?

Я задаю вопрос не ради самого ответа. Названия трав вряд ли скажут мне о чём-то. Я хочу посмотреть на реакцию кухарки – она легко ответит или затруднится?

– Мускатный орех, графиня. С ним вкус будто сухие ягоды добавили. И куркуму, она не только вкус подчеркнёт, но и цвет добавит. Ещё бы медочку капнуть. Вы уж простите, графиня. О приправе я могу болтать часами.

– Не извиняйся, мне интересно, тётушка.

Память подкидывает образ жёлтого порошка, это куркума. Но что она из себя представляет, я не знаю. Растение или минерал? А что насчёт мускатного ореха? Название знакомое, но вкус специй я не представляю. Я слышала, но никогда не пробовала?

Кухарка то ли в искреннем, то ли в притворном смущении дальше размешивает кашу молча, а поставив котелки на стол, лишь скупно предупреждает, чтобы я была осторожной

и не обожглась, потому что из очага каша очень горячая.

Аромат изумительный, и желудок... сводит. Чем я вчера поужинала? Густой рыбной похлёбкой? Было вкусно, но не особенно сытно. Из-за холода организм требует полноценного питания. Память, словно дразня, подкидывает уверенность, что на завтрак у меня всегда были несколько мясных ломтиков – либо корейка, либо карбонад... Я пытаюсь поймать конкретный образ из прошлого, но нет, провал и тьма, а висок вновь простреливает болью.

Кажется, я недооценила своё состояние, и мне нужно к целителю. Ха, нужно ли? Я не знаю, каких чудовищ скрывает вуаль тьмы, скрывающая воспоминания.

Настроение портится.

Зато каша вкусная. Не скажу за императора, но подать такое угощение гостям я бы не постеснялась.

Каша горячая, и я, чтобы не обжечься и чтобы продлить удовольствие, ем неторопливо. Гарет съедает свою порцию гораздо быстрее, и я упускаю момент, когда он поднимается из-за стола. Если бы не приличия, я бы упустила его.

– Прошу меня извинить, Даниэлла.

– А?

Гарет отвечает улыбкой.

– Я найду вас за час до полудня, Даниэлла.

Мне очень любопытно узнать, куда он спешит, но лезть... некрасиво. Вопрос – граф не хочет делиться со мной своими делами или не хочет обременять?

– Гарет, – обсуждать второй цветок и зеркальный переход при тётушке Хлое я не буду, – простите, что перебиваю. Мне хотелось бы прояснить с вами с глазу на глаз одну вещь. Я уверена, важную.

Я смотрю на него снизу вверх и краем глаза отслеживаю реакцию тётушки Хлои. Вот почему я прицепилась к женщине? Она не даёт ни малейшего повода! Никакого интереса к моим словам. Почему я не цепляюсь к Мими или Гебби?

Кажется, моя просьба Гарета не радует и нарушает его планы, но он не позволяет неудовольствию отразиться на лице и после короткой заминки с прежней доброжелательной улыбкой возвращается за стол.

– Конечно, мы поговорим, Даниэлла.

– Я помешала? – зачем-то спрашиваю я.

– Ни в коем случае. По-моему, Гарет лжёт.

Каша уже подостыла, и я доедаю быстрее. И обжигаюсь, добравшись до последних пары ложек на доньшке.

– Тётушка Хлоя, очень вкусно. Я уверена, что если бы в столице прознали про твой талант, тебя бы постарались смазать всеми правдами и неправдами.

– Что вы, графиня?! – она всплёскивает руками, отчего пара шалей сваливаются. – Как бы я могла бросить его сиятельство?

– Я верю, что ты бы отказалась даже от приглашения во дворец.

– Шутите, графиня.

Тётушка выглядит польщённой. Она подбирает упавшие шали и откладывает на табурет, и я пользуюсь возможностью увидеть, что скрывается под ними. А под ними на шею и плечи намотан большой плотный платок, из-под которого через прореху выглядывает тёмное платье.

Ни амулетов, ни сушёных жабьих лапок...

Доев, я отодвигаю котелок и поднимаюсь из-за стола.

Гаретс неожиданной заботой поправляет на моих плечах меховой плащ и подаёт руку, предлагая опереться на локоть, что я с удовольствием и делаю.

– Спасибо, – я не забываю поблагодарить тётушку за вкусный завтрак.

– Даниэлла, я планировал показать вам дом чуть позже. Как вы относитесь к тому, чтобы осмотреться сейчас?

– С радостью, – заверяю я искренне. – Но прежде... Гарет, я понимаю, что прежде всего вас интересовала финансовая выгода, и беря в жёны дочь купца вы понимали, что я буду отличаться от дочерей аристократов и манерами, и образованием, и жизненным опытом, и образом мышления.

– Даниэлла, уверяю, вас не должно смущать ваше происхождение. Вы были дочерью купца, но теперь вы супруга графа, титул ваш по праву.

Он меня неправильно понял.

– Я о другом, Гарет. Насколько я понимаю, обычно супруга берёт управление домом на себя. С одной стороны, я не знаю, готова ли я. С другой стороны, я не знаю, хотите ли вы

видеть меня хозяйкой.

Чувствую себя королевой коварства.

Если Гарет скажет сейчас, что против моего участия в управлении, то в полдень я могу пожаловаться Медведю, что плохо скажется на доступе к моему приданому.

У графа выбор без выбора.

Не знаю, понял ли он подоплёку моего вопроса или принял за чистую монету. Лишь бы не воспринял мой вопрос как намёк на его бедственное положение, управлять ведь по большому счёту вообще нечем и не оскорбился.

Я чувствую, как под моими пальцами каменеет его рука.

– Графиня, я буду рада, – раздаётся вздорный голос Бетти, сбегаящей по парадной лестнице, – если вы возьмёте на себя ответственность за дом и обеспечите Гебби должное лечение. Вас ведь не затруднит привести из столицы лекаря?

Конечно, затруднит.

Но не так, как Бетти себе это представляет. Проблема не столько в деньгах – узнав нужную сумму, я придумаю, где её добыть – сколько в том, что о лекарях я не знаю ничего, кроме двух фактов: во-первых, они лечат, а во-вторых, среди них бывают шарлатаны. И вообще на языке крутится слово «врач» как более привычное. Почему Бетти говорит о лекарях? Наверное, по той же причине, по которой она вместо врачей упоминала целителей.

– Доброе утро, Бетти, – улыбаюсь я с внутренней злостью отмечая, что сегодня помощи брата в спуске с верхних сту-

пенек ей совершенно не требуется, сама справляется, и я без стеснения указываю Бетти на её ошибку. – Оу, может быть в отличии от купеческих в благородных домах не принято здороваться?

Гарет, игнорирует сестру и увлекает меня по парадной лестнице вверх, мы поднимаемся на второй этаж.

– Когда-то здесь располагался целый ансамбль строений, но до наших дней мало, что сохранилось. К счастью, у нас есть этот Дом.

Я узнаю жилой коридор, в который хочет свернуть Гарет.

Я уже догадалась, что обжиты лишь некоторые помещения, но мне будет полезно осмотреть всё от чердака до подвалов.

– А в той стороне что? – спрашиваю я.

– Пыль веков, тлен, – пожимает плечами Гарет. – Комнаты оставались закрытыми несколько сотен лет, и я не преувеличиваю.

Оглянувшись, я понимаю, что Гарет проигнорировал не только сестру, но и мой вопрос. То, что меня признали регалии не означает, что Гарет позволит мне распоряжаться. В Доме главный он.

Кстати, раз он остро нуждается в деньгах – настолько остро, что питается корнеплодами и рыбой, которую тётушке Хлое посчастливилось выудить – почему он не продаст мебель? Меблировкой той же гостиной в моей опочивальне можно легко пожертвовать.

Диван в узкое зеркало не пролезет?

А если поискать книги, картины, вазы? Любой мелкий антиквариат?

– Простите, Гарет, но... вы действительно ни разу не заходили в закрытые помещения?

– Нет. А зачем?

– Если комнаты закрыты несколько веков, то вы не можете знать наверняка, что в них оставили ваши предки. Я не имею в виду сундучок с золотом, хотя шкатулка с драгоценностями могла бы быть очень полезна, я говорю о предметах искусства, которые можно продать.

– Продать наследие предков?! Он дурак?

Продать плохо, а смотреть как всё рушится ему нормально?

– Нет, помереть с голоду, но все вазы положить в гроб. Гарет опускает голову и тихо выдыхает:

– Распоряжайтесь.

Я была слишком груба?

Пока я пытаюсь понять, почему на здоровое предложение он отреагировал острым неприятием, мы входим в его Опочивальню.

Рано утром, когда Гарета не было, я успела побывать в его спальне, не задерживаясь пройти личную комнату и осмотреться в кабинете. Гостиную же я видела лишь мельком, и сейчас я с удивлением обнаруживаю, что вся мебель скрыта пропылёнными, некогда белыми, а теперь тёмно-серыми

чехлами. Стены голые, ни картин, ни гобеленов. Ваз, статуэток и прочих потенциально дорогих мелочей я не вижу. Их уже распродали или вынесли в кладовую?

Гарет приводит меня в кабинет, отодвигает для меня стул. Спинка не резная, а сплошная, то есть гарнитуры в кабинетах не парные. Не знаю, что мне даст это наблюдение...

Заняв место во главе стола, Гарет сцепляет руки. Он выглядит подавленным.

– Мне жаль, – начинаю я.

– До вашего прибытия, Даниэлла, хозяйственного рода решения номинально были на Бетти, но вы же видите, что распоряжаться нечем, и быт по своему усмотрению устраивала тётушка Хлоя. Говоря откровенно, мне в голову не приходило, что можно продать наследие предков.

Если у вас получится... Даниэлла, так о чём вы хотели поговорить? Он меняет тему.

Ладно.

Я протягиваю руку.

Мне довольно легко удаётся приказать синему цветку проявиться. На тыльной стороне ладони проступает яркий неоновый контур повторяющей изображение цветка в храме. Второй цветок не сопротивляется моей воли, он просто глух, и мне не удаётся заставить его засветиться.

Неужели он был одноразовым? Вряд ли. А если искать в себе не печать, а ключ?

От перемены слов вряд ли что-то изменится, но я, раз дру-

гих идей нет, пробуя, и неожиданно чувствую оклик. Внут-
ри словно печку на миг открыли. Меня обдаёт волной обжи-
гающего жара, поднявшейся откуда-то из груди в голову и
тотчас схлынувшей в пустоту.

Что это было?

Может, не стоит играть с огнём? В самом буквальном
смысле... Но мне нужно показать огненный цветок Гарету.

Я вспоминаю, каким я видела цветок, и в этот раз отклик
приходит. Мне приходится приложить усилие, чтобы цветок
появился на коже. Алый контур разгорается, повторяя изги-
бы синих линий, и два цветка оказываются словно бы пере-
плетены лепестками.

Получившаяся картинка отдалённо напоминает пазл из
двух деталек. Надеюсь, мне не придётся добывать цветы всех
семи красок?!

– Я хочу спросить вас вот об этом, Гарет. Печать я полу-
чила в храме во время брачного ритуала. Что означает вто-
рой цветок?

Только бы не второго мужа...

Глава 12

Подавшись вперёд, Гарет подхватывает мою руку обеими ладонями, всматривается в изображение и, словно не веря своим глазам, касается огненной линии, но тотчас отдёргивает руку, а я ощущаю запоздалый прилив тепла от ладони вверх к локтю. Гарет... обжёгся?

И почему он ничего не говорит? На его лице явственно читается замешательство.

Чуть ли не носом уткнувшись в тыльную сторону моей ладони, Гарет рассматривает рисунок довольно долго. Наконец, он поднимает на меня взгляд и разжимает пальцы, но я... Его рука такая тёплая, что я не спешу разрывать касание.

– Даниэлла, когда вы увидели новый цветок? Это важно?

– Утром.

Я понимаю, что важно рассказать и про конверт, и про зеркало, и я ни в коем случае не собираюсь скрывать, но сперва мне хочется услышать хоть что-то.

– Простите, Даниэлла.

– Вы мне не расскажете? – спасибо, что врать не стал. Отличить ложь от правды я бы вряд ли сумела.

– Мне нечего вам рассказать. Больше пяти веков назад случилось то, что в родовых записях называют Второй Потерей. Глава рода, его супруга, младший сын и незамужняя

сестра погибли в пожаре. Наследник, четырнадцатилетний мальчишка, уже учился в Военной Академии, и это его спасло.

Гарет прерывается.

Кажется, до него доходит, что он уже довольно долго держит меня за руку. Он неловко отстраняется, и я опускаю ладонь на стол, а цветки горят словно бы ярче.

Надо как-то отреагировать на рассказ.

– Ваш предок справился.

– Пожар уничтожил некоторые реликвии, всю библиотеку, архив, документы... Что-то Верон восстановил по памяти, но, как вы понимаете, многое было утеряно.

– Вы сказали «Вторая Потеря». Значит, была и Первая?

– Да, Даниэлла. Во главе рода остался малолетний преемник, а документы и книги точно также были потеряны. Я никогда не слышал о двойной печати, не видел двойного изображения.

– В храме на стенах один цветок.

– Да. И появление второго... ставит меня в тупик. Сведения о нём были давно утеряны.

Такое впечатление, что история графского рода это история о затянувшемся угасании. И мне не повезло стать частью этого рода, когда судьба готовится поставить финальную точку.

– Зеркало в кабинете графини. Оно особенное?

– В кабинете графини есть зеркало? Почему вы думаете,

что оно особенное, Даниэлла? Не повезло.

Я рассказываю про письмо, про гербарий, про то, как в кабинете открылся переход, про то, как огненный цветок ото-звался, когда я назвала его не печатью, а ключом. Я стараюсь ничего не упустить. Ага, стараюсь. Про незваного визитёра я забыла.

Гарет выслушивает меня очень внимательно, не перебивает.

– У вас нет идей, почему у кого-то есть путь в кабинет, из которого прямая дорога в спальню?

– У меня есть только предположение. Хоть что-то!

Только вот судя по тому, что Гарет замолкает, он то ли за-браковал своё предположение, не успев озвучить, то ли озву-чивать не очень хочет.

– Да? – подталкиваю я его.

– Если верить легендам, когда-то на месте руин возвышал-ся дворец, роскоши которого мог бы позавидовать сам им-ператор. Я не думаю, что здание было настолько большим, в легендах любят приукрасить. Но факт в том, что здание действительно существовало, а дом, в котором мы сейчас находимся, по одной из версий, был всего лишь гостевым. Мой отец считал версию чепуховой, и я ним соглашался. За-чем возводить двухэтажный особняк? Проще выделить во дворце гостевое крыло. В Доме чётко выделяются хозяйские спальни, и есть гостевые комнаты. Гости гостей. Согласитесь, странно.

– Согласна.

– Я считал, что Дом был возведён для наследника. Жест щедрый, но хотя бы логично объяснимый.

Мда...

– Очень странно, что дворец или большой дом, что бы то ни было, не уцелел, а Дом стоит пусть не как новенький, но целый и невредимый. Пусть где-то требуется ремонт, серьёзных повреждений нет. Разве что крышу я не видела.

– Да, я тоже об этом думал и не находил ответа. Дом... будто из другого теста построен. Час от часу не легче.

Если граф здесь не хозяин... то в перспективе маячит выселение.

Значит ли это, что, потеряв Дом, граф сможет вернуться в город? Пусть не в столицу, в провинцию. Или приказом императора он должен проживать в родовых землях, а в Доме или в землянке, проблемы графа?

– Значит, единственный шанс разобраться – это открыть переход и сделать шаг в неизвестность.

Мне, конечно, страшновато, но конверт с цветком-ключом, на мой вкус, больше всего похож на приглашение. И потом, какая альтернатива? Дрожать под одеялом в ожидании незваных визитёров? Смена спальни проблему не решит.

– Сперва я поговорю с девочками. Возможно, им удастся вспомнить что-то из легенд и сказок. Что-нибудь ещё?

Похоже, Гарет ни разу не авантюрист.

А ещё он немного тугодум. Он то ли не понимает очевид-

ного, то ли не хочет понимать. Чужаки сами выбирают время визита. Что помешает им появиться, когда нас нет? Гарет собирается оставить сестёр и тётушку Хлою наедине с угрозой? Я сомневаюсь, что он потащит их за собой в берлогу к Медведю. На его месте брать с собой Бетти я бы точно не рискнула.

Дело не в Медведе.

Разбираться с переходом придётся. И без меня Гарет на ту сторону не попадёт. Я без него – да.

Соваться в одиночку... неразумно.

Но мне при любом раскладе придётся сунуться, а вот для Гарета есть варианты. Это в чём я себя убеждаю?! Не-не-не, одна я никуда не пойду.

С чего я вообще решила, что должна заниматься проблемами графа и его сестёр? С одной стороны, очевидно – я его супруга, и не просто жена по бумажкам, а признанная родовыми регалиями, с печатью-татушкой, гуляющей по телу, как ей вздумается. Но с другой стороны, изначально в основе брака простая и понятная сделка – Медведь получает родство с графом, а граф – деньги. Мои интересы ни кем из мужчин не учитывались. Конечно, Медведь мне с удовольствием заявит, что я обязана быть благодарной за титул графини, но, простите, брачная командировка на север континента без багажа – вот демонстрация истинного ко мне отношения.

Граф ко мне добр, но это не повод расшибаться ради него

в лепёшку. Больше того, до сих пор я не закрыла вопрос, добр граф ко мне или к моему приданому.

Одна я не полезу.

В компании графа?

А нельзя ли нам... разойтись? Не в смысле развестись, а в смысле жить отдельно. Пусть граф заберёт большую часть приданого и лечит Гэбби, ремонтирует Дом, ждёт, когда император перестанет гневаться. Словом, пусть делает, что его душе угодно. А я с меньшей частью приданого переберусь в провинцию.

Да-да, делить шкуру медведя, то есть приданое...

– Больше ничего, – я остаюсь на стуле. – Вроде бы...

Вдруг у Гарета есть способ перекрыть либо кабинет, либо Опочивальню, и я зря беспокоюсь?

– В доме небезопасно.

– Да.

– Его Величество будет недоволен, если я приведу сестёр в столицу... Хм, то есть он всё-таки ставит на бегство всей семьёй?

Гарет всё же что-то либо знает, либо подозревает, но не хочет говорить?

Он трёт виски указательными пальцами, и на миг Гарет кажется очень уязвимым. В душе вновь поднимается желание помочь, поддержать, стать... другом. Либо я добрая, либо в храме во время брачного ритуала мне промыло мозги.

– У вас есть идеи, кто может скрываться за зеркалом?

– Нет, Даниэлла. Ври дальше.

– Гарет, кого упоминают древние легенды? Пожалуй, я и без вас знаю, не так ли? Вы подозреваете, что нас навелили демоны?

– Даниэлла...

Угадала? Что же, сталкиваться с демонами я точно не намерена.

Я бросаю взгляд на окно. За стеклом разгорается день. В солнечных лучах искрится лёд, а до полудня ещё несколько часов, которые, похоже, мне так и предстоит провести на жёстком стуле в кабинете графа. К себе я не пойду.

Татушки на моей руке гаснут, но не исчезают. Лёгкий зуд подсказывает, что цветки поднимаются на сгиб локтя. Уверена, если я подниму сейчас рукав, я увижу их движение, но я не проверяю – какая разница?

– В Доме есть библиотека? – шерстить книги слишком долго, но я зачем-то спрашиваю.

– С пустыми стеллажами.

Звучит грустно.

– Гарет, вы согласны попытаться продать антиквариат? – я не представляю, как именно повернуть продажу при условии, что ни я, ни Гарет ничего не смыслим в ценах и белых схемах продажи. Подставляться под мошенников у меня ни малейшего желания.

Поручить сёстрам не слишком разумно...

А что, если поговорить с ведьмой? Кому как ни ей знать

древние страшилки?

– Распоряжайтесь, Даниэлла.

– У вас были планы, Гарет. Не смею докучать дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.